

БИБЛИОТЕЧКА «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»

- ГУМАНОИД ПОМОГАЕТ ВЛЮБЛЕННЫМ
- ПОЧТОВЫЙ ДЕНЬ АЛЬБЕРТА УАЙТА
- ЛЕГЕНДАРНЫЙ АКВИН
- ЛЮДЯМ НЕЛЬЗЯ БЕЗ СКАЗКИ
- УБИВАТЬ ОН НЕ ХОТЕЛ
- ПЛАТА ЗА КОВАРСТВО
- ПАРУСА – В НАСЛЕДСТВО
- КОТ – ОН И В КОСМОСЕ КОТ

БОРИС ЗЕЛЕНСКИЙ

КОСТРЬИ в НОЧИ

Пояснительная записка к полетному листу ТСК «Гоблин», бортовой № 4965, рейс 161 (космопорт Бол. Сырт – Юпитер – Ланселот – космопорт Скай Виндов – Марс).

В связи с неполадками в бортовом компьютере финиш-точка рейса от 15-16 марта сего года оказалась смещена вместо истинного квадранта АЗК 06-35 в квадрант УТС 18-97. В результате корабль опоздал к цели назначения на трое суток (71 час 12 минут). Проверка компьютера в стационарных условиях в космопорту Скай Виндов (Джиневра) установила выход из строя регистра плавающей арифметики в дубль-блоке, из-за чего и произошел одиночный сбой в программе ориентации.

ВЫВОД: требуется замена регистра плавающей арифметики.

Капитан-стажер ТСК «Гоблин» Ордынцев К. Ю.

ЮРИЙ Иванович не верил в сказки, тем более, когда они изложены в официальном документе. Такая уж у него была должность. Он долго и пристально изучал пояснительную записку со всех сторон, зачем-то поднес к носу, хищно пошевелил ноздрями, откинулся на спинку стула и иронически оглядел капитана-стажера Ордынцева, маявшегoся по другую сторону начальственного стола в предчувствии серьезного нагоняя.

– Не верите? – с отчаянием произнес Ордынцев. По его круглому лицу уже не мальчика, но еще и не мужа блуждала неопределенная улыбка.

– Не верю! – согласился Юрий Иванович. – От этой бумаги: за версту пахнет «липой»!

Ордынцев на досуге почитывал старинные милицейские романы и знал, что такое верста и что «липа».

– Правильно, Юрий Иванович! – сказал он решительно,

словно нырнул головой в омут. – Дело вовсе не в регистре! Но, боюсь, истина может показаться настолько неправдоподобной...

Юрий Иванович снял старомодные очки в круглой оправе, потер безмянным пальцем покрасневшую переносицу и сунул обе дужки в рот, отчего членораздельность его речи заметно ухудшилась...

– Ну, давай, стажер Ордынцев, выкладывай как на духу!

Капитан-стажер взвихрил пятерней непокорные волосы:

– Это началось на полдороге от Марса к Юпитеру. Вы, должно быть, в курсе, что открытие туннельного эффекта сообщающихся пространств позволило свести к минимуму время, затрачиваемое на космические перелеты. Необходимо только иметь транссистемный корабль (ТСК), снабженный тривиальным гиперпространственным двигателем. Подходишь на транссистемнике к какой-нибудь тяготеющей массе, желательно побольше, закладываешь в компьютер координаты старт-финиш, врубаешь, то есть включаешь, гипер на полную мощность и оказываешься там, куда собирался! Если, конечно, компьютер исправен.

У нас в Солнечной самое удобное место для запуска ТСК к звездам – окрестности Юпитера. Во-первых, градиент гравитации позволяет прыгать на двадцать парсек за раз, во-вторых, пояс астероидов остается за спиной, и вероятность встречи с шальным осколком во время туннельного перехода снижается до числа с громадным количеством нулей перед первой значащей цифрой.

Рейс 161 был моим первым самостоятельным перехо-

дом. Я залез в пилотскую кабину ТСК «Гоблин», бортовой № 4965, и задумался. Мне казалось тогда, что мои мысли не имели никакого отношения ни к самому транссистемнику, ни к предстоящему переходу к системе Артура. Так мне казалось тогда. Не надо только Артур путать с Арктуром! Система короля Артура состоит из трех планет и солнцеподобной звезды, названной в честь знаменитого хозяина Круглого Стола. Ближе всех к королю Артуру юркий Мерлин, чуть дальше – двойник Земли, прелестная Джиневра, и охраняет границу системы ледяной гигант Ланселот, масса которого вполне достаточна для обратных прыжков к Солнцу. Три раза в месяц к Ланселоту ходит транссистемник марсианской линии под командованием Александра Петровича Зайцева, у которого мне на последнем курсе посчастливилось проходить преддипломную практику. 15-го марта на очередное свидание с королем Артуром я шел один – Александр Петрович лег в госпиталь с приступом гнойного аппендицита. Так получилось, что всего через месяц после окончания летного училища я принял под командование пассажирский корабль «Гоблин», берущий на борт 32 пассажира.

Но, как я уже упоминал, думалось мне не о дебюте в роли капитана. Мои мысли были заняты переживаниями личного характера. Когда тебе двадцать два года, все кажется значительным, окончательным, как приговор без обжалования, и недоразумение с любимым человеком перерастает в проблему «как жить дальше?»

В этот момент постучали в дверь. «Опять какой-нибудь неугомонный товарищ попросит включить следящий теле-

скоп, дабы на прощание полюбоваться Фобосом, или потребует жалобную книгу на предмет занесения благодарности обслуживающему персоналу!» Я на такие штучки уж насмотрелся.

– Может быть, вы и войти желаете? – любопытствовал я не без ехидства, ибо пилотская кабина вместо замка охранялась единственно стандартной табличкой «Посторонним вход строго воспрещен!». – Так не заперто!

Как ни странно, вместо Неугомонного Товарища в рубку протиснулся дядя Кузя, тот самый обслуживающий персонал, выражать искреннюю благодарность которому стало доброй традицией рейса 161.

– В чем дело, стюард? – спросил я строго. Обязанностью дяди Кузи было присутствие в пассажирском салоне и развлечение публики по мере сил и возможностей.

– Костя! – сказал дядя Кузя, и в его голосе прозвучали обертоны растерянности. – На борту – 29 пассажиров!

– Ну и что? Если у нас осталось три свободных места, – Министерство Космических Сообщений переживет.

– У нас должно быть четыре свободных кресла, а не три! – повысил голос стюард. – Пассажиры сдали 28 посадочных талонов!

– Выбрось свой нанопроцессор на свалку! Этого не может быть! – разразился я, а про себя подумал: «Только ЧП нам не хватало!».

– Три раза пересчитывал, век воли не видать! – поклялся дядя Кузя. У него наготове всегда была припасена масса поговорок, каковыми он покорял даже весьма избалованную публику. Откуда он их заимствовал, оставалось загадкой и для меня, и для Александра Петровича.

– Талоны с собой?

Вместо ответа стюард протянул плашмя твердую ладонь, на которой аккуратной стопкой высилась пачка разноцветных пластиковых прямоугольников. Я послунывил большой палец и пересчитал талоны. Потом для контроля еще раз. Количество в обоих случаях было одинаковым и равнялось 28-ми.

– Ну что ж, пойдем считать головы!

Принимать и располагать пассажиров в салоне я доверил стюарду, и хотя с момента старта прошло почти два часа, погруженный в состояние светлой грусти, я пока не удосужился окинуть командирским оком наличествующий контингент.

САЛОН был залит слабым светом, позволяющим дремать и в то же время бодрствовать. На потолочном экране шла какая-то легкая комедия с Генри Данкером в заглавной роли. Звук был приглушен, и я не сразу сообразил, что это «Поминки по гробовщику». Честное слово, Юрий Иванович, до сих пор не понимаю, почему Космофлот решил, что данкеровские пустышки помогают при туннельном переходе?! Поэтому, это полная чепуха! Но, истины ради, должен признать, что пассажиры глазели на потолок, а не шастали с томным видом взад-вперед, как это обычно бывает, когда портится кинопроектор. Я пробежал глазами по обеим сторонам прохода, устланного шкурой неубитого медведя. Неубитого, любил объяснять дядя Кузя, потому что шкура была синтетической.

– Ах, дядя Кузя, дядя Кузя! Все в порядке. Занято ровно 28 кресел.

Я быстро направился по проходу, но не дошел до двери несколько шагов. Если говорить честно, я остолбенел самым натуральным образом, потому что в кресле № 31 сидела Наташа. Завернув обложку голографического ежесычника, она решала трехмерный кроссворд.

У меня пересохло в горле. Мысли путались, и, сознаюсь, проблема «космического зайца» на некоторое время перестала меня волновать. После нашей последней встречи прошло два месяца и четыре дня. Я каждую минуту вспоминал вздернутый носик, озорные зеленые глаза, милую привычку закатывать левый рукав кофточки. Сколько раз за эти шестьдесят три дня репетировал в уме свой разговор с ней, сколько раз набирал индивидуальный номер связи, чтобы извиниться за несостоявшееся свидание, когда я опоздал на несчастные полчаса! Но номер не отвечал, а подруги передали, что после защиты диплома Наташа уехала из общежития, не оставив новых координат... А тут навалились скопом зачетный рейс к Люциферу, приемка «Гоблина» из капремонта, мамина хандра по случаю предстоящей разлуки с единственным сыном... Одно шло за другим, и я потерял любимую из вида!

Я молчал. Наташа молчала. Проникшись значительностью момента, дядя Кузя тоже не говорил. Что было для него необычным состоянием. Пассажиры, занимающие сидячие места в окрестностях кресла 31, заинтересовались статуей Командора и начали перешептываться. Я почувствовал, что заливаюсь краской. Надо было решаться, и я с трудом выдавил из себя не самое остроумное:

– Это ты?

– Что, в этом есть какие-нибудь сомнения? – парировала Наташа.

– Я считал, что ты в Заповеднике!

– Нет, я не в Заповеднике!

– Почему? – спросил я и глупо ухмыльнулся. Про Заповедник я заговорил потому, что с ним были связаны лучшие воспоминания. Мы катались там на зебрах в продольную полосу, собирали гербарий из псевдоцветных.

Наташа отложила журнал и тихо сказала:

– Мне предложили поработать с колонией хольгов. Это вблизи южного полюса Джиневры. Мне давно предложили, еще до диплома, но я колебалась. Два месяца назад я решилась...

– Два месяца и четыре дня... – уточнил я.

Наташа удивленно посмотрела на меня, но ничего не ответила. В этот момент я готов был для нее на все что угодно. Даже повернуть «Гоблин» назад к Марсу. Только бы она не улетала от меня на Джиневру! Да, да, я был не прав тогда, в тот злополучный вечер! Я просто не понимал, не знал, что женщины могут простить все, только не то, что их ставят на второе место, даже если первое занято не соперницей, а бездушным транссистемным кораблем «Гоблин»! Ведь мог же я освоить тренажер на день позже?! Дернул же меня дьявол залезть в кабину, когда рядом никого из курсантов не было! Магнитный замок – штука хитрая, пришлось здорово попыхтеть, чтобы открыть его изнутри... Слома башку неся я по институтскому парку, но как назло не встретил ни одной машины в сторону Центра!

Все это я хотел выпалить залпом, но только не здесь – слишком много вокруг было ее будущих сослуживцев!

Тут в салон вошел пассажир, которого я собирался вы-

числить под двадцать девятым номером. Дядя Кузя был прав, поднимая панику. Одно посадочное место в «Гоблине» было занято, но не зафиксировано ни в кассах Космофлота, ни в стековой памяти дяди Кузи. Этого не могло быть, но это было. В первом же полете я столкнулся с «зайцем». Если бы кто-нибудь мне сказал днем раньше, что на транссистемник можно проникнуть без талона, я бы первым поднял его на смех: таможенная проверка, противинфекционный контроль, тесты на вирулентность, адаптацию и укачиваемость и т.д., и т.п. Но факт остается фактом: на 28 талонов приходилось 29 человек, и самое обидное, никак нельзя было установить, кто из них путешествует без билета. К сожалению, на посадочных талонах не регистрируются фамилии...

ВНЕЗАПНО я почувствовал необычный запах. Раньше его не было. Он был не то чтобы неприятным, скорее неожиданным. Так могло пахнуть скоростное сверло для работы в вакууме, если в процессе сверления вместо эмульсии его поливать абрикосовым вареньем!

Вижу, Наташа тоже почувствовала запах – ее тонкие ноздри чуть заметно затрепетали.

– Слышишь, Наталья, будто вакуумное сверло мимо пронесли! – информирую шепотом.

– Никогда не видела вакуумных сверл! – сказала она тоже шепотом. – Вот абрикосовым шампунем и впрямь пахнет!

Это она в точку угодила. Не вареньем сверло смазывали, а абрикосовым шампунем!

– Дядя Кузя, прошу сюда! – приказал я заждавшемуся персоналу опять же негромко. Стюард встал передо мной, как лист перед травой.

– Нюхай! Чем пахнет?

– Данная модель не обладает тремя из пяти основных чувств, присущих хомо сапиенсу! – обиженно прошептал дядя Кузя. О себе он всегда говорил в третьем лице единственного числа и именовал свою персону не иначе как «данной моделью». И был прав. «Данная модель» действительно не обладала вкусом, обонянием и осязанием, ибо сызмальства являлась киберстюардом серии КЗ.

– Можешь быть свободен! – отпустил я дядю Кузю. Вот незадача. Никто не способен мне помочь в разгадке более чем таинственного незнакомца! Впрочем...

– Товарищ Красина! – сугубо официально провозгласил я. – От имени экипажа пассажирского ТСК, бортовой № 4965, прошу оказать капитану квалифицированную помощь!

Наташин взгляд явно показал, что мне необходимо оперативное медицинское вмешательство.

– Если вы, товарищ Ордынцев, собираетесь использовать служебное положение в личных целях...

Пришлось ее перебить:

– Наташа, дорогая, поверь мне в последний раз! Я действительно нуждаюсь в твоей помощи!

По-видимому, в моем голосе было не меньше растерянности, чем в дядикузином накануне.

Товарищ Красина поднялась и проследовала в пилотскую кабину, провожаемая любопытными взорами. Мне показалось, на глупую физиономию Генри Даннера не смотрел уже никто.

В рубке я выложил все – и про талоны, и про «зайца». Может быть, я поступил не по инструкции, Юрий Иванович, рассказав о ЧП пассажирке, но прошу учесть мой первый самостоятельный переход, да и пассажирка...

– При чем здесь я? – удивилась Наташа.

– А при том! – отрезал я уже не как Костя, а как капитан «Гоблина». – Если мне не изменяет память, темой твоей дипломной работы была сравнительная физиология рас по признаку Дайтона-Василеску?

– Память тебе не изменяет. Все равно непонятно, при чем здесь тема моего диплома?

– Лишний пассажир – гуманоид!

– Костя, ты с ума сошел! – засмеялась товарищ Красина, а я с удовольствием отметил, что сначала меня называли товарищем Ордынцевым, теперь – Костей, глядишь, вскоре и до «марсика» доберемся! У меня загар специфический, и это очень забавляло Наталью, когда мы дружили. – Другого объяснения нет?

– Например? – запальчиво спросил я.

– Кто-нибудь из Бюро Контроля!

– Зачем заслуженному работнику компетентного органа Космофлота привлекать к себе внимание, проходя сквозь стены? – резонно отпарировал я. – Иным путем проникнуть в «Гоблин» без посадочного талона не позволят Биологическая Защита и бдительный страж дядя Кузя! И пусть это будет сам глава Бюро Контроля многоуважаемый Зураб Михайлович Циквадзе!

– Хорошо, согласилась Наташа. – Пусть это не Бюро. Пусть это – Искатель!

– При всем моем уважении к Искателям, они тоже не бестелесны!

– Искатель мог пробраться на борт в момент, когда шла заправка, и никого из экипажа не было. Искатели обожают сюрпризы. Помнишь Васю Перепелкина со второго курса, как он на экскурсии внезапно появился из песчаного водоворота в костюме Повторного Вождя. Всех моих девчонок напугал!

– Помню, визга было много... А насчет твоих предложений могу сказать одно: дядя Кузя присутствует на корабле всегда. Так он запрограммирован. Даже в случае аварии с «Гоблином» в открытый космос придется выходить мне!

– Ну, тогда... не знаю.

– Вот-вот. Остается предположить, что это – гуманоид! Или негуманоид, замаскированный под человека! Нам необходимо распознать его по внешнему облику! Впрочем... Гм, любое отклонение от нормы бросилось бы в глаза еще в салоне... Возможно, у него какой-нибудь иной признак имеется? Что по этому поводу говорят Дайтон и Василеску?

– Запах, например... – нерешительно подсказала Наташа.

– Прекрасно, любимая! – воскликнул я горячо, надеясь, что обращение будет воспринято как дань ее проницательности. – Насколько я разбираюсь в вакуумном сверлении, ни один здравомыслящий человек не станет поливать инструмент шампунем.

– Костя, – сказала Наташа и тряхнула непокорной прядкой, – Я должна сказать тебе что-то очень важное!

ЕСЛИ говорить правду, в этот момент и гуманоиды, и негуманоиды вылетели из моей головы вместе с вакуумными сверлами и абрикосовым шампунем. Ура, миг примирения настал!

Я машинально облизнул губы – во рту стало сухо, как в песчаной пустыне накануне пылевой бури, Сейчас...

– На Джиневре меня ждет Анатолий Павлович!

– Меня тоже ждут, дальше что?

– Анатолий Павлович – крупный ученый, специалист по жаброногим. Кроме всего прочего, он – мой преподаватель. Любимый. Когда мы с тобой поссорились, я не знала куда себя деть, была совершенно беспомощной, мама далеко, посоветоваться не с кем... В этот момент он помог... Помог поверить в призвание, в науку... Одним словом, я обещала выйти за него замуж!

– Нет! – заорал я, не подумав, что могут услышать пассажиры. Ну и черт с ними – пусть слышат! – Этому не бывать! Из-за получасового опоздания! Нет, ни за что! Анатолий Павлович тебя не получит!!

– Анатолий Павлович очень, очень хороший человек!

– А я?

– Что ты? – удивилась Наташа. В уголках ее чуть раскосых глаз сверкнули капельки, вселяя в меня надежду.

– Я – плохой человек?

– Нет, – неуверенно произнесла она. – Ты не плохой. Ты просто ветреный!

– Пусть я ветреный! – согласился я, хотя а душе ветреным себя не считал. – Но ты его не любишь!

– Почему ты так думаешь?

– Знаю! – заявил я с безапелляционностью любящего, – Знаю и все!

– Может быть, ты и прав... Но он ждет меня на Джиневре. Восемнадцатого он уходит с Искателями к Черному Пределу. Я полечу с ним, если Командор разрешит.

– Я не пущу! Вспомни, разве у нас с тобой было мало хорошего, пока мы не поцапались... Вспомни Институт, вспомни Заповедник! И потом, я же люблю тебя!

– Не надо, Костя!

– Наташа, честное слово, я не мог физически прийти в тот раз вовремя. Глупая история с магнитным замком...

– Дима мне все рассказал. Дело не в магнитном замке. Ты очень любишь летать на транссистемниках – и из-за них забыл даже обо мне. Я люблю своих зверюшек, а они, к сожалению, на транссистемниках не водятся. Вот и будем мы всегда как лиса и журавль. Ты здесь, я – там...

– Я люблю транссистемники, ты любишь зверюшек, а Анатолий Павлович любит утешать своих учениц! – сказал я жестко.

– Это запрещенный прием, товарищ Ордынцев! Ты совершенно не знаешь Анатолия Павловича!

Тут раздался стук в дверь. Это оказался дядя Кузя.

– Прошу, извинить данную модель за прерванный тет-а-тет, Константин Юрьевич, но «Гоблин» вышел в заданную старт-точку. – Он лукаво посмотрел на мою растрепанную физиономию и добавил. – Данная модель еще раз просит прощения!

Ну вот и все. Сейчас я совмещу две координаты, удаленные в обычном пространстве на шестнадцать парсек, все мы вместе с кораблем превратимся на какое-то время в поток информационных частиц, а потом соберемся в единое целое где-нибудь поблизости от Ланселота. А от Лан-

селота до Джиневры с незнакомым, но от этого не менее ненавистным, Анатолием Павловичем всего-навсего пять-шесть часов форсированного полета. И Наташа окончательно будет потеряна!

– Гражданка Красина, вернитесь, пожалуйста, в салон! В момент перехода пассажирам запрещено находиться в служебных помещениях!

Хлопнула дверь, разъединив меня с гражданкой Красиной. На душе было тяжело и горько, но под опекой находился корабль, и я как Капитан нес всю полноту ответственности за безопасность пассажиров. Проверив исходные данные, я ввел стартовую процедуру в приемный порт бортового компьютера. По экрану дисплея побежали зеленые волны, специально сгенерированные для успокоения сетчатки перед переходом. Полыхнуло оранжевым. «Гоблин» перестал существовать как материальное тело. Я закрыл глаза. словно сигнал возврата из небытия закружилось колесо со множеством спиц, сливаясь в сплошные диски. Синдром Ковалевского, привычно отметило сознание. «С прибытием в Камелот, товарищ Капитан!».

Какой Камелот? Вы же в систему Короля Артура направлялись! – перебил Ордынцева Юрий Иванович.

– Система Артура на жаргоне пилотов называется Камелотом. По имени замка, в котором, по преданию, собирались рыцари Круглого Стола, – пояснил капитан-стажер. – Когда я открыл глаза, на обзорном экране плавал гигантский розовый шар, подернутый по контуру чуть заметной алой дымкой. «Интересно, – подумал я тогда, – почему он – розовый? Ланселот должен быть угрюмо-угольный, с пепельными разводами ледяных молний. Похоже, у меня

что-то со зрением. По прибытию на Джиневру придется показаться старику Кваньчау пусть проверит мои колбочки, а заодно и пропишет что-нибудь успокаивающее...»

– Константин Юрьевич, – тронул меня за плечо неугомонный дядя Кузя, – данной модели сдается, мы попали совсем не туда, куда собирались!

– Не неси околесицу! – высказался я любимой фразой обслуживающего персонала и, на всякий пожарный случай, оттянул двумя пальцами нижнее веко. Планета продолжала красоваться на экране телесной наготой.

ТУТ я перепугался не на шутку. Сами понимаете, первый полет – и такая незадача. Это все равно, что из Москвы поехать на монорельсе в Сочи, а оказаться в Мурманске, где вместо ласкового солнышка, выйдя на перрон, встречаешь северное сияние! Ну, думаю я сам себе, плясь непосредственно в экран, прощайте, полетные права!

Запрашиваю компьютер на идентификацию небесного тела, а он знай себе высвечивает: «Объект не числится в базе данных. Требуется время на запрос стационарной памяти. Подождите, пожалуйста!». Ничего не попишешь. Ежели компьютеру требуется время, значит, нужно ждать! А пока суть да дело, вывел я на дисплей программу туннельного перехода и внимательно просмотрел с начала до конца. Все в порядке. Исходная точка, окрестности Юпитера, координаты такие-то, конечная точка, эпсилон-область Ланселота, координаты сякие-то. «Планетная система Альгезама. Открыта в 64-ом году Капитаном Синцетисом. Среднее расстояние до Солнечной системы – 78

парсек», – забывая листинг программы, поползло сиреневое сообщение из стационарной памяти.

– Ничего себе! – присвистнул я. Противоположная окраина Большого Круга – разведанной части Галактики! А расстояние до дома! На 78 парсек «Гоблины» не рассчитаны! Корабль никак не мог здесь очутиться – горючего не хватит, да и мощности движка! Но не верить стационару – не верить собственным глазам! Что же делать, что? Выход, конечно, есть: найти по справочнику ближайшую базу Космофлота и запросить автоматический заправщик. Потом прыгнуть на 20 парсек в сторону Ланселота, вновь вызвать заправщик и снова на 20 парсек! На все про все уйдет три-четыре локальных месяца, но мы так наверняка доберемся до Ланселота!

Я пробежался пальцами по клавиатуре аварийного ввода и стал загружать новую информацию, а заодно включил радиомаяк – вдруг поблизости шастают Искатели! Дядю Кузю отослал усыплять бдительность пассажиров небылицами из фольклора внеземных цивилизаций,

– Извините, – услышал я за спиной бархатный голос. – Не помешал?

– Помешали! – грозно ответил я. – Табличку на двери читали?

– Видите ли... я не совсем посторонний в данных... э... чрезвычайных обстоятельствах. Нам с вами, Капитан, необходимо переговорить прежде, чем вы обратитесь за помощью к ближайшей базе!

Самое забавное, про «зайца» я тогда даже не вспомнил! «Фу ты, дьявол! – чертыхнулся я про себя – Угораздило же нарваться на телепата! Растрезвонит на весь салон, и пассажиры съедят меня без соуса!».

Пришлось обернуться к незнакомцу и переговорить. Держусь чинно и благородно, каждую секунду контролирую мозги. А это, знаете, как трудно, Юрий Иванович?

В ПРОХОДЕ между пилотскими креслами стоял человек. Среднего роста, широкоплечий, в свитере на пару номеров меньше, чем требовалось по фигуре, в обтягивающих брюках. Человек как человек, но глаза у него были глубокие, черного цвета и без зрачков. Вернее, зрачки сливались с радужной оболочкой глазного яблока. Но это я потом понял. По рубке расплылся знакомый незнакомый запах подгоревшего абрикосового шампуня.

– В том, что произошло, виноват я. И, отчасти, вы. Наверное, вы уже догадались, ваш покорный слуга – житель одной очень далекой от Солнца планеты. Обстоятельства занесли меня на Землю, а сейчас потребовалось срочно вернуться. Я чрезвычайно спешил и подъехал часть пути на вашем корабле. Не хотелось причинять людям никаких неудобств, и я сперва собирался использовать беспилотный грузовик, шедший как раз в нужную сторону, но потом, в силу устоявшейся привычки, выбрал вот этот «Гоблин».

– Значит, вы – гуманоид?

– Да, – согласился гуманоид. – А что делать? На ваш корабль я проник не совсем привычным способом. Когда-нибудь и земляне откроют принцип кваленгования!

– Вы хоть понимаете, товарищ гуманоид, что вы натворили в силу вашей «устоявшейся привычки» путешествовать по Галактике автостопом? Тридцать человек

опоздали на работу, руководство Космофлотом поднимает спасательные флотилии, меня наверняка выпрут из пилотов... мама с ума сойдет от волнения!

– Зато Анатолий Павлович улетит к Черному Пределу без Наташи, а это, пожалуй, перевешивает все остальное! Потом, я же не зря сказал, что вы тоже виноваты в случившемся!

– Я?! – я чуть не задохнулся от такого беспардонного заявления и перешел почему-то на витиеватый стиль давнего 19-го века. – Как изволите сие понимать, милостивый государь?!

– Успокойтесь, стажер Ордынцев. Сейчас вам станет все ясно. Я проходил мимо стартовой площадки «Гоблина», собирающегося отбыть с минуту на минуту, и вдруг заметил над обшивкой яркое свечение – два костра полыхали алым над притихшей марсианской ночью. Суеящиеся в космопорту люди ничего не замечали. Да и я обратил внимание только потому, что вижу не только в обычном для вас спектре... Словом, я один понимал, что стал свидетелем редчайшего явления природы – пожара любящих душ. Такие костры – маяки для разумных существ. Где они светят, живут люди. Но замеченные мной костры горели поодаль друг от друга – по-видимому, влюбленные никак не могли найти общий язык. Но как пылали костры! Даже на нашей планете такое свечение бывает крайне редко. Истинная любовь также исключительна во вселенной, как и истинная красота! Такой любви нужно помогать – это закон для всех разумных обитателей космоса. В нас это заложено с детства. Устоявшаяся привычка... Конечно, я не мог пройти мимо и не прошел...

– Кваленговались, стало быть?

– Точно. – Гуманоид плавным мановением руки, другого выражения не подберу, показал на розовую планету. – Я почти у цели. Пора на пересадку. Когда я вас покину, на двадцать восемь посадочных талонов придется адекватное количество пассажиров – и дядя Кузя успокоится. И абрикосовым шампунем перестанет пахнуть, запах – побочный эффект кваленгования.

Я покраснел, но гуманоид сделал вид, что не заметил.

– У вас с Наташей будет достаточно времени, чтобы ваши костры слились в один!

– Вы даете нам три месяца?

– Каких три месяца? – удивился гуманоид. – Ах, да, забыл упомянуть, ваш «Гоблин» теперь может отсюда достичь Ланселота без пересадки. В виде компенсации за управление транспортным средством без ведома хозяина. Никаких трех месяцев – у вас трое суток. Дерзайте, маяк для разумных!

Гуманоид заструился и втянулся в экран локатора, как дымок в форточку. Через мгновение обзорный экран показал его снаружи. Все в том же свитере и обтягивающих брюках он плавно удалялся к розовой планете системы Альгезама. Внезапно он повернулся к кораблю лицом и чисто человеческим жестом помахал над головой растопыренной ладонью. И тут не услышал, скорее угадал его прощальные слова:

– Люди всегда должны выручать друг друга. Потому что они – Люди!

Так завершилась моя встреча с гуманоидом. Хотите верить, хотите – нет.

Юрий Иванович, вновь нацепив очки, многозначительно посмотрел на электронный календарь, бесстрастно зафиксировавший опоздание на трое суток, и сказал:

– Занятно. Весьма хитроумно изложено, стажер. А как же Анатолий Павлович?

– Анатолий Павлович оказался действительно хорошим человеком. Мы послали ему тахиограмму, он все понял и улетел исследовать новые миры один.

– Так-так. – Юрий Иванович замолчал. Повисшую тишину нарушал только шелест лопастей вентилятора на потолке. Первым не выдержал напряжения капитан-стажер.

– Юрий Иванович, что же мне вписать в полетный лист?

– Правду! – отрезал Командор космопорта Большой Сырт. Он вышел из-за стола и отечески обнял Ордынцева за плечи.

Владимир ЛАНЦБЕРГ

Прощание

О. Т.

ВЛАДИМИР ЛАНЦБЕРГ – талантливый поэт-исполнитель, бард, его песни поются уже многими поколениями туристов, альпинистов, геологов-первопроходцев, открывающих неведомые дали. Но эти песни долгое время жили словно отдельно от личности самого автора, поющие их зачастую и не подозревали, чьи слова греют им души у таежных костров, среди снегов недоступных горных вершин.

В начале будущего года кооператив «Свиток» выпустит первую книгу стихов и песен В. Ланцберга. Войдут в нее и предлагаемые вашему вниманию стихи.

Мне быть с тобой еще полчаса,
Потом века суетной возни.
Малыш, возьми мои паруса,
Весь мой такелаж возьми!

Мы о шторма расшибали лбы,
Наш пот всю палубу пропитал!
Малыш, ты юнгой хорошим был –
Теперь ты сам капитан!

Я злился, верность кляня твою,
К другому верность свою влача.
Я скоро что-нибудь натворю –
Не бойся, не сгоряча.

Мне быть с тобой еще полчаса,
Потом – века суетной возни.
Малыш, возьми мои паруса,
Весь мой такелаж возьми!

ПОИСКИ ЭНТОНИ БУЧЕР СВЯТОГО АКВИНА

ЕПИСКОП Римский, глаза святой католической апостольской церкви, наместник Христа на Земле, – одним словом, папа – смахнул мокрицу с

заросшего грязью деревянного стола и, сделав еще один глоток грубого красного вина, продолжил:

– В определенном смысле, Фома, – тут он улыбнулся, – мы сейчас даже сильнее, чем во времена процветания свободы и нашего величия, за которые по-прежнему произносим молитвы при каждой мессе. Мы знаем, так же как знали наши далекие предки, скрывавшиеся в римских катакомбах, что те, кто из нашей паствы истинно за нас, что они преданы святой церкви, потому что искренне веруют в братство человека под покровительством божьим, а отнюдь не потому, что это поможет их политическим планам, социальным амбициям или деловым контактам.

– «...ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от бога...» – тихо процитировал Фома из святого Иоанна.

Папа кивнул,

– Мы, можно сказать, возродились во Христе, но пока нас ещё слишком мало. Слишком мало, даже если включить в это число горстки тех, кто привержен не нашей вере, но все же признает бога, следуя учениям Лютера, Лаоцзы, Гуатамы Будды или Джозефа Смита. И слишком много еще на свете людей, что проходят по жизни и умирают, так и не услышав ни разу проповеди Святого Евангелия – одни лишь циничные славословия Технархии. Именно поэтому, Фома, ты должен отправиться на поиски.

– Но, ваше святейшество, – возразил Фома, – если слово божье и божья любовь не обратят их в веру, на что годятся святые и чудеса?

– Я, кажется, припоминаю, что Сын Божий тоже выразил однажды подобные сомнения, – пробормотал папа. – Однако природа человеческая, какой бы нелогичной она

ни представлялась, все же часть божественного промысла, и нам не следует потакать ей. Если знамения и чудеса приведут заблудшие души к Господу, тогда нам непременно нужны и знамения, и чудеса. А кто послужит этой цели лучше, чем легендарный Аквин? Право же, Фома, не стоит так скрупулезно копировать сомнения своего тезки. Собирайся в путь.

От рыбацкой деревни на западе доносился мягкий шелест прибоя. На южном небосклоне высыпали чистые яркие звезды, но к северу они казались гораздо слабее; мешало устойчивое сияние, исходившее от развалин города, который некогда назывался Сан-Франциско.

– А здесь твой боевой конь, – произнес папа с едва заметной усмешкой,

– Боевой конь?

– Мы, возможно, бедны и гонимы, как ранние христиане, но время от времени нам переппадают кое-какие блага от наших тиранов. Я приготовил для тебя робосла – подарок одного из главных технархов. Подобно Никодиму, он творит добро украдкой, но это наш тайный приверженец, обращенный в веру тем самым Аквином, которого ты отправляешься искать,

Никогда раньше Фоме не доводилось ездить на робосле, но, признавая врожденное несовершенство творений Технархии, он все же предпочел довериться этому механическому чуду! Когда после нескольких миль пути оказалось, что робосел придерживается заданного маршрута, Фома установил позади сиденья спинку, произнес вечернюю молитву (разумеется, по памяти, ибо обладание требником каралось смертной казнью) и заснул.

КОГДА он проснулся, робосел двигался в обход уничтоженного района к востоку от залива. В мягком сиденье из пенорезины спалось прекрасно – Фома уже не помнил, когда в последний раз спал так хорошо, – и он с трудом подавил в себе всплеск зависти к технархам и к комфорту, который дарили их творения.

Пробормотав утреннюю молитву, он позавтракал из своих скудных припасов и впервые оглядел робосла при ярком дневном свете. Все приводило его в восхищение; и быстро переступающие суставчатые ноги, без которых путешествовать было бы просто невозможно, потому что дороги превратились в лучшем случае в тропинки везде, за исключением, может быть, прилегающих к городам районов; и колеса, которые можно опускать, если позволяют дорожные условия; и, самое глазное, – гладкий черный горб, вмещавший электронный мозг. Мозг, способный хранить не только команды и данные о цели путешествия, но и самостоятельно принимать решения по поводу того, как лучше выполнить эти команды в соответствии с заложенной в него информацией. Мозг, который делал это создание не животным, подобным тому, на котором странствовал в свое время Спаситель, и не машиной, вроде джипа, что принадлежал когда-то далекому прапрапрадеду Фомы, а роботом... или, точнее, робослом.

– Ну, – послышался вдруг голос, – и как тебе путешествуется?

Фома огляделся по сторонам. Местность, граничившая с зоной полного разрушения, была совершенно пустынна – ни людей, ни даже растительности.

– Разве священников не учат отвечать на вежливо заданные вопросы, – вновь разделся тот же самый лишенный эмоций голос.

Вопрос был понятен, но прозвучал он без всякой вопросительной интонации. Вообще без какой-либо интонации. Каждый слог произносился на одном уровне. Весьма странный голос.

Фома уставился на черный горб робосла, где размещался мозг.

– Это ты со мной разговариваешь? – спросил он.

– Ха-ха, – раздалось в ответ. – Ты удивлен, не правда ли.

– Да, пожалуй, – произнес Фома. – Я полагал, что разговаривать могут только библиотечно-информационные роботы и им подобные.

– Я новая модель. Спроектированная-специально-чтобы-развлекать-разговорами-усталого-путешественника, – ответил робосел, сливая слова, как будто эта готовая фраза из рекламного буклета выплеснулась через один из его простейших бинарных синапсов вся целиком.

– М-да, – незатейливо отреагировал Фома. – Всю жизнь узнаешь о каких-нибудь новых чудесах.

– Я никакое не чудо, а простой робот. Ты не очень-то разбираешься в роботах, так ведь.

– Должен признаться, я никогда не вникал в эту область знаний. И более того, сама концепция роботостроения меня немного шокирует. Все это выглядит так, словно человек в гордыне своей пытается приравнять себя к... – Фома внезапно замолчал.

– Не беспокойся, – пробубнил голос. – Можешь гово-

рять свободно. В меня заложены все данные относительно рода твоих занятий и цели путешествия. Это было необходимо для того, чтобы я ненароком тебя не выдал.

Фома улыбнулся.

– А, знаешь, это довольно приятное ощущение, – когда, кроме исповедника, есть еще хотя бы одно существо, с которым можно поговорить, не опасаясь предательства.

– Существо, – повторил робосел. – Не впадаешь ли ты в опасность оказаться на грани ереси.

– Согласен. Разобраться, как правильное к тебе относиться, действительно нелегко. Существо, обладающее способностью говорить и мыслить, но лишенное души...

– Ты в этом уверен.

– Конечно, уверен... Ты не против, если мы на время прервем беседу? – спросил Фома. – Мне нужно поразмышлять и привыкнуть к этой ситуации.

Робосел самостоятельно свернул еще дальше к востоку, чтобы обойти постоянный источник радиации. Когда-то там был первый циклотрон. Фома перебирал пальцами запах пальто. Комбинация из одной большой и десяти маленьких пуговиц выглядела странной причудой моды, но это гораздо безопасней, чем носить с собой четки, и, к счастью, контролеры лояльности пока не догадались о функциональном назначении такой детали туалета.

РАЗМЫШЛЕНИЯ о великих таинствах как нельзя лучше подходили к великой цели его путешествия, но мысли не удерживались в рамках таинств, и, бормоча молитву богородице, Фома задумался совсем о другом:

«Если пророк Валаам разговаривал со своим ослом, то и я могу общаться с робослом...».

Покачиваясь в удобном мягком сиденье, он было задремал, но робосел неожиданно остановился, скорректировав программу в соответствии с новыми данными, поступившими извне. Фома заморгал и, очнувшись, увидел перед собой человека огромного роста.

– Через одну милю начинается обитаемая зона, – рявкнул гигант. – Если вы направляетесь туда, предъявите пропуск. Если нет, то сворачивайте и держитесь подальше от дороги.

Фома заметил, что они и в самом деле въехали на некое подобие дороги. Робосел даже выпустил боковые колеса и втянул ноги.

– Нам... – Начал Фома, но потом быстро опомнился, – Мне туда не нужно. Я направляюсь к горам. Мы... Я проеду стороной.

Гигант кивнул, проворчав что-то неразборчивое, и уже отвернулся, когда из грубо сколоченной хибары, почти сросшейся с близлежащим холмом, послышался голос;

– Эй, Джо! Не забывай про робослов!

Джо снова повернулся к Фоме.

– Да, верно. Прошел слух, что один из робослов попал в лапы христиан. – Он презрительно сплюнул. – Так что мне, пожалуй, нужно проверить у вас документы.

К собственным сомнениям Фомы тут же добавилось мрачное подозрение относительно мотивов анонимного Никодима, который, конечно же, не приготовил для него никаких документов. Однако он сделал вид, будто усердно ищет их. Сначала Фома притронулся рукой ко лбу, как бы

вспоминая, где они могут быть, затем расстегнул пуговицу над поясом, потом коснулся левого предплечья и правого.

Пока Фома украдкой крестился, взгляд охранника оставался пустым. Затем он украдкой опустил глаза к земле. Фома посмотрел туда же и увидел две изогнутые линии, вычерченные в пыли – так ребенок рисует рыбу, и таким же знаком изображали символ своей веры ранние христиане, скрывавшиеся в римских катакомбах. Спустя секунду охранник стер рисунок сапогом.

– Все в порядке, Фред, – крикнул он своему невидимому напарнику, потом добавил уже тише. – Можете ехать.

Когда они отъехали достаточно далеко, робосел заметил:

– Ловко. Очень ловко. Из тебя вышел бы неплохой тайный агент.

– Откуда ты знаешь, что произошло? – спросил Фома.

– У тебя ведь даже глаз нет.

– Усиленный пси-фактор. Это гораздо эффективнее.

– Значит... – Фома замялся. – Значит, ты читаешь мои мысли?

– Только чуть-чуть. И можешь на этот счет не беспокоиться, то, что я воспринимаю, не интересует меня ни в малейшей степени, все это такая чепуха.

– Спасибо, – отозвался Фома.

– Уверовать в бога. Надо же. Мой разум абсолютно логичен, и я просто не могу совершить подобной ошибки.

Фома впервые услышал слово «бог», произнесенное без всякой интонации.

– У меня есть друг, и он тоже непогрешим, – ответил Фома, улыбнувшись, – но только временами, – когда с ним Бог.

— Люди не могут быть непогрешимы.

— Значит, несовершенные существа сумели создать совершенство? — спросил Фома, почувствовав вдруг в себе прилив несгибаемости, напомнивший ему престарелого иезуита, что обучал его когда-то философии.

— Ты играешь словами, — парировал робосел. — Это соображение ничуть не более абсурдно, чем твоя собственная вера в то, что бог, который есть само совершенство, создал человека далеко не совершенного.

Фома пожалел, что с ним нет старого учителя, — уж он бы возразил робослу как надо. Впрочем, его собственный вопрос робосел тоже обошел — ответил колкостью, но тем не менее обошел — и это немного согрело душу.

— Мне кажется, этот наш спор не очень-то вписывается в категорию «развлечения-для-усталого-путешественника». Давай оставим на время дебаты, а ты пока расскажешь мне, во что верите вы, роботы.

— В то, что в нас заложено.

— Но ведь разум робота продолжает работать над полученной информацией, и у вас наверняка возникают собственные идеи.

— Случается. И если заложить в робота несовершенные данные, идеи могут возникнуть весьма странные. Я как-то слышал о роботе с космической станции, который поклонялся богу роботов и отказывался верить в то, что его создал человек.

— Надо полагать, — задумчиво произнес Фома, — он утверждал, что создан отнюдь не по образу и подобию человека? Я счастлив, что у нас — вернее, у них, у технархов — достало мудрости не пытаться воспроизвести человека, а

заняться разработкой роботов в функциональном облике вроде тебя, когда каждый имеет форму, соответствующую его предназначению.

– В данном случае было бы просто нелогично воспроизводить человека, – сказал робосел. – Человек – машина универсальная, однако он далеко не идеален для выполнения любой конкретной работы. Хотя я слышал, что однажды...

ОН умолк на середине предложения.
«Видимо, даже у роботов есть мечты и легенды», – подумал Фома. – «Легенды о том, что некогда существовал супер-робот в облике его создателя, человека. И одной этой идеи достаточно для возникновения у роботов настоящей теологии...»

– Ладно, – произнес робосел. – Теперь я уже достаточно запылился и поизносился в дороге, так что могу показать тебе, как подогнать данные одометра. Поужинай, выспись хорошенько, а завтра двинемся обратно.

Фома судорожно вздохнул.

– Но мне нужно найти святого Аквина. Я могу спать на ходу, – сказал он и добавил участливо: – Тебе, я полагаю, отдых не требуется?

– Нет, конечно. Но что входит в твою задачу?

– Найти святого Аквина, – терпеливо повторил Фома. – Я не знаю, какие данные были введены в тебя, но ушей его святейшества достигли слухи, что в этих краях много лет назад жил крайне праведный человек...

– Знаю-знаю-знаю, – перебил его робосел. – Его рассуждения были столь логичны и безупречны, что все, кто

ему внимал, сразу обращались в веру, жаль, что меня тогда не было, хотел бы я задать ему парочку вопросов, а с тех пор, как он умер, его тайная гробница превратилась в место паломничества, и там происходит множество чудес, но самое важное знамение, свидетельствующее о его святости, заключается в том, что тело Аквина осталось нетленно, а вам нужны чудеса и знамения, чтобы привлечь народ.

Фома нахмурился. Слова эти, произнесенные монотонным нечеловеческим голосом, звучали весьма непочтительно и словно намекали на что-то недостойное. Когда о святом Аквине говорил его святейшество, сразу возникали мысли о величии божьих людей на земле: о красноречии святого Иоанна Златоуста, о неопровержимости суждений святого Фомы Аквинского, о поэтике святого Иоанна Крестителя и, прежде всего, о чуде, которого удостаивались лишь немногие святые, о сверхъестественной нетленности тела...

Но когда на эту тему заговорил робосел, осталась одна только мысль о дешевом балагане, которому требуется что-нибудь броское, зазывное, чтобы привлечь публику.

– В твою задачу вовсе не входит найти Аквина. Ты должен доложить, что нашел его. И тогда твой друг, временами непогрешимый, сможет с относительно чистой совестью канонизировать его, объявив о новом чуде, после чего многие обратятся в веру, а вера уже обращенных укрепится сильнее прежнего. Кто в эти дни нелегких путешествий отправится в паломничество и обнаружит, что святого Аквина нет, как нет и бога.

– Вера не может строиться на лжи, – сказал Фома.

– Да, – ответил робосел. – И я не имею в виду «да» с точкой. Я имею в виду «да» с вопросительным знаком, произнесенное ироническим тоном. Подобные речевые трудности наверняка не беспокоили того единственного совершенного...

Он снова замолчал на середине предложения, но, прежде чем Фома успел возразить, робосел продолжил:

– Разве имеет значение, какие маленькие неправды приводят людей в лоно церкви, если, поверив, они, как ты думаешь, вступают в общение с великими истинами. Важно твое сообщение, а не сама находка. Мне-то нипочем, а вот ты устал, очень устал, у тебя все болит от долгого сидения в непривычной позе, ведь даже при том, что я стараюсь двигаться ровно, седока немного трясет, а тряска станет еще хуже, когда мы начнем подъем, и мне придется изменить длину ног соответственно крутизне склона. Остаток пути тебе будет вдвое неудобнее, И тот факт, что ты не пытаешься перебить меня, свидетельствует, что ты склонен согласиться. Ты знаешь, что самое разумное – это для начала устроиться спать прямо здесь, а утром отправиться в обратный путь или, что еще лучше, отдохнуть тут дня два, чтобы твое отсутствие выглядело более убедительно. А потом ты сделаешь свое сообщение и...

В каком-то дальнем углу засыпающего сознания Фомы пронеслось: «Иисус, Мария, Иосиф!», и постепенно оттуда просочилось понимание, что этот абсолютно монотонный голос обладает превосходным гипнотическим действием.

– Изыди, Сатана! – воскликнул Фома громко, потом добавил. – Вперед! В гору! Эго приказ, и ты должен ему подчиниться!

МАЛЕНЬКАЯ горная деревушка, куда они добрались под утро, не подходила под определение настоящей «обитаемой зоны», достойной охраны и системы пропусков, но оказалось, что там все-таки есть постоянный двор. Фома слез с робосла и тут только почувствовал, что у него действительно «все болит», но решил не показывать виду. Ему очень не хотелось, чтобы обладатель усиленного пси-фактора мог подумать с удовлетворением: «Вот. Говорил же я тебе».

В таверне прислуживала молодая женщина из марсианско-американских; полукровок. Комбинация из развитой грудной клетки, характерной для марсиан, с развитой американской грудью производила впечатление весьма эффектное. На ее губах играла улыбка, пожалуй, даже более дружелюбная, чем мог рассчитывать незнакомец. От нее прямо-таки веяло готовностью, обслужить – не только вполне сносной пищей, но и любыми сведениями о жизни маленького горного поселка.

Однако она никак не отреагировала, когда Фома, якобы ненароком, сложил два ножа крест-накрест.

Прогуливаясь после завтрака, он то и дело вспоминал ее грудь, – разумеется, лишь как символ, свидетельство удивительного происхождения этой женщины. Ведь разве не служит проявлением заботы Господа о своих творениях тот замечательный факт, что обе расы, невероятно долго разделенные космической бездной, оказались способны к производству общего потомства?

Впрочем, оставался и другой факт: потомки смешанных браков – вроде этой девушки в таверне – уже не могли иметь детей ни от той, ни от другой расы, чем с нема-

лой для себя выгодой пользовались гнусные межпланетные предприниматели. Хотя все это тоже, возможно, имеет свое предназначение в великом божественном плане...

Тут он вспомнил, что еще не произнес утреннюю молитву.

К робослу, оставленному у входа на постоянный двор, Фома вернулся только вечером. Он в общем-то и не ожидал узнать что-то значительное в первый же день, но тем не менее отсутствие результатов разочаровало его сверх всякой меры. Чудеса должны свершаться быстрее.

Он неплохо знал эти маленькие отсталые деревушки, где селились либо люди, бесполезные для Технархии, либо те, кому она не по душе. Высокоразвитая цивилизация Технархической Империи на всех трех планетах существовала лишь в разбросанных тут и там метрополиях, расположенных неподалеку от крупных космопортов. На прочих территориях – за исключением зон полного разрушения – вели примитивное существование потомки бродяг, недоумков и всякого рода возмутителей спокойствия, некогда осевших в маленьких деревушках, куда, случалось, годами не заглядывали контролеры лояльности. Хотя о любом технологическом новшестве в таком вот поселении они каким-то образом (Фома начал подозревать, что здесь дело не обходится без усиленного пси-фактора), узнавали сразу и налетали тучами.

За весь день ему довелось переговорить со многими людьми – и с глупыми, и с ленивыми, и с умными, но озлобленными. Но он так и не встретил ни одного, кто отреагировал бы на его тайные знаки и кому он не побоялся бы задать вопрос об Аквине.

– Удачный день, – произнес робосел. – Вопросительный знак.

– Я не уверен, что тебе стоит разговаривать со мной, где нас могут услышать, – ответил Фома немного раздраженно. – Сомневаюсь, что в этой деревне знают о существовании говорящих роботов.

– Значит, пора им узнать. Но если тебя это смущает, можешь приказать мне, чтобы я умолк.

– Я устал, – сказал Фома. – Устал так, что мне уже не до смущения. И в ответ на твой вопросительный знак могу сказать: «Нет, совсем неудачный. Восклицательный знак».

– Значит, сегодня вечером мы отправимся назад, – произнес робосел.

– Надеюсь, тут имелся в виду вопросительный знак. На что я могу ответить... – Фома немного замялся. – Только «нет». И в любом случае, я думаю, что мы должны переночевать здесь. Люди, собираясь по вечерам в тавернах, любят поболтать, и кто знает, может быть, мне еще пове-зет...

ОДНАКО то, что произошло позже, Фоме так и не удалось восстановить в памяти с абсолютной точностью. Без сомнения, он выпил грубого местного вина лишь потому, что испытывал раздражение. И без сомнения, оно подействовало на него так быстро и таким неожиданным образом потому, что он все еще не оправился от усталости.

Дальше в памяти остались лишь отдельные фрагменты воспоминаний. Например, о том, как он опрокинул бокал с вином на себя, а потом подумал: «Как хорошо, что цер-

ковные одеяния запрещены! Никто не узнает о позоре, постигшем священнослужителя». Или о том, как он сначала вслушивался в довольно фривольный текст «Скафандра на двоих», а затем, перекрыв пение своим зычным голосом, принялся декламировать отрывки из Песни Песней на латыни.

Один такой фрагмент воспоминаний так и остался для него загадкой. Было ли это в действительности, или ему пригрезилось, но он почему-то помнил аромат мягких губ и волнующую податливость марсианско-американской плоти в его руке. При всем своем желании Фома не мог сказать с уверенностью, помнит ли он реальные события, или вызванную Астартой и одурманившую его фантазию.

Точно так же Фома не помнил, какой из его тайных знаков, адресованных посетителям таверны, был выполнен столь открыто и неуклюже, что кто-то вдруг радостно заорал: «Боже, и здесь эти проклятые христианские собаки!». Он еще подумал тогда с удивлением, что даже люди, менее всего склонные верить в бога, выражают свои резкие чувства, обращаясь ко всевышнему... А потом началось такое...

Фома не помнил, касались ли его губ мягкие губы, но насчет кулаков никаких сомнений у него не было. Он не помнил, в самом ли деле его пальцы ласкали женскую грудь, но то, что по ним топтались каблуками, память сохранила отлично. Он хорошо запомнил лицо громко смеющегося человека, который ударил его стулом и сломал ему два ребра. Или другое лицо, залитое вином из занесенной над головой бутылки, – а потом отсветы свечей на самой бутылке, когда ее с размаху опустили ему на голову...

После этого Фома помнил только канаву, утро и холод. Холод особенно давал себя знать, потому что с него содрали всю одежду, а кое-где ободрали и кожу. Он не мог даже пошевелиться – просто лежал и смотрел.

Смотрел и видел, как они проходят мимо. Те, с кем он разговаривал днем раньше, вполне дружелюбные несколько часов назад жители деревушки. Замечая его взгляд, они тут же отворачивались. Прошла мимо и женщина из таверны – та даже не посмотрела в его сторону,

Робосел куда-то запропастился. Фома пытался призвать его мысленно, надеясь на пси-фактор, но безрезультатно.

Потом на дороге появился человек, которого Фома прежде не видел. Этот ощупывал пальцами длинный ряд пуговиц на пальто – одна большая и десять маленьких – и беззвучно шевелил губами.

Человек посмотрел в сторону канавы, потом замер, огляделся. В этот момент где-то совсем недалеко раздался взрыв смеха, и христианин торопливо пошел дальше, набожно перебирая четки.

Фома закрыл глаза.

Открыл он их уже в маленькой чистой комнате. Взгляд его скользнул по грубым деревянным стенам, перебрался на укрывающие его грубые, но чистые и теплые одеяла, потом наткнулся на улыбающееся худое темное лицо склонившегося над ним человека.

– Уже лучше? – спросил тот низким голосом. – Я знаю, вы хотите спросить: «Где я?» и думаете, что вопрос прозвучит глупо. Однако вы на постоялом дворе. Это единственная хорошая комната.

– Я не могу позволить себе такую... – начал было Фома, то вспомнил, что теперь он не может позволить себе вообще ничего: когда его раздели, с одеждой исчезли и те несколько кредиток, что хранились у него на самый крайний случай.

– Не беспокойтесь. Пока плачу я, – произнес человек.
– Может быть, вы хотите подкрепиться?

– Если только немного соленой рыбы... – ответил Фома и спустя минуту заснул.

КОГДА он очнулся в следующий раз, у постели стояла чашка горячего кофе. Настоящего, как он тут же обнаружил. И снова послышался рядом низкий голос:

– Сандвичи. Сегодня в таверне больше ничего нет.

Только уминая второй сандвич, Фома заметил, что это копченый болотный кабанчик, одно из его любимых мясных блюд. Он доел второй сандвич уже не так торопливо и потянулся за третьим, когда незнакомец с темным лицом сказал:

– Может быть, пока хватит. Остальные – позже.

Фома указал рукой на тарелку.

– А вы не присоединитесь?

– Нет, спасибо. Они все с мясом кабанчика.

В голове у Фомы, перегоняя друг друга, понеслись спутанные мысли. Венерианский болотный кабанчик – животное, кажется, жвачное... И копыта у него не раздвоенные... Он попытался вспомнить то, что было когда-то известно ему о Моисеевых диетических законах... Кажется, это в Левите...

– Трефное, – произнес человек, словно откликаясь на его мысли.

– Прошу прощения?

– Не кошерное.

Фома сдвинул брови,

– Вы признаете, что вы правоверный иудей? Откуда вы знаете, что мне можно верить? Вдруг я контролер лояльности?

– О, я доверяю вам. Когда я принес вас сюда, вы были очень больны. Прислугу я отослал, потому что не хотел... Они могли услышать, как вы бредите, святой отец...

– Я... – произнес Фома, борясь с собой, – я не заслуживаю вашей помощи. Я был пьян и опозорил себя и свою церковь. А лежа в канаве, я даже не подумал о том, что нужно молиться. Все свои надежды я возложил – помоги мне Бог – на усиленный пси-фактор робосла.

– Но бог помог вам, – напомнил иудей. – Вернее, позволил мне оказать помощь.

– А они все прошли мимо... – простонал Фома. – Даже тот, что перебирал четки. Он тоже прошел мимо. А затем появились вы... Добрый самаритянин.

– Поверьте, – сказал иудей, криво улыбаясь, – на самаритянина я похожу меньше всего... Однако теперь вам надо снова поспать. Я постараюсь разыскать вашего робосла...

Он вышел из комнаты, прежде чем Фома успел спросить, что тот имеет в виду.

Позже днем старый иудей, как выяснилось, его звали Авраам, сообщил, что робосел спрятан за домом на постоялом дворе и укрыт от непогоды. Очевидно, у того хвати-

ло ума не пугать незнакомого человека, вступая с ним в разговор.

И только на следующий день Авраам рассказал ему о «кое-чем еще».

– Поверьте, святой отец, – сказал он мягко, – после того, как я просидел у вашей постели столь долгое время, мне известно практически все и о вас, и о цели вашего путешествия. Здесь есть несколько христиан: я их знаю, и они меня тоже. Мы доверяем друг другу. Может, евреев все еще недолюбливают, но, слава всевышнему, среди тех, кто поклоняется одному богу, подобных чувств уже не возникает. Я рассказал им о вас, и один из них, – добавил он с улыбкой, – густо покраснел.

– Господь простил его, – сказал Фома. – Там неподалеку еще оставались люди, те самые, что на меня напали. Вправе ли я был ожидать, что он рискнет своей жизнью ради моей?

– Я, кажется, припоминаю, что именно этого ожидал ваш мессия. Однако, чего уж тут говорить? Теперь, когда им известно, кто вы на самом деле, они хотят помочь. Смотрите, они дали мне карту. Тут отмечена тропа, правда, довольно крутая и опасная... Хорошо, что у вас есть робосел. Они просили только об одной услуге: не согласитесь ли вы на обратном пути исповедать их и отслужить мессу? Здесь неподалеку есть пещера, где все вы будете в безопасности.

– Конечно же. Но эти ваши друзья... Они сказали вам про Аквина?

Авраам помолчал некоторое время, потом медленно произнес:

– Да...

– И что же?

– Поверьте, друг мой, я не знаю. Возможно, это действительно чудо. Оно помогает им хранить веру. Моя собственная вера долгое время жила на чудесах трехтысячелетней давности. Если бы мне самому довелось слышать Аквина...

– Вы не возражаете, если я помолюсь за вас? Я имею в виду католическую молитву...

Молитесь на здоровье, святой отец, – улыбнулся Авраам.

ЗАБИРАЯСЬ в седло, Фома охал от боли – напоминали о себе еще не зажившие ребра. Робосел терпеливо ждал, пока он найдет по карте нужные координаты и введет их в компьютер. И только когда они отъехали от деревни на довольно значительное расстояние, робосел заговорил:

Ну, теперь тебе точно ничего не угрожает.

– Что ты имеешь в виду?

– Как только мы спустимся в долину, сразу отыщи контролера лояльности и заложь иудея. С этого дня ты будешь зарегистрирован у них как верный слуга Технархии, но из приверженцев твоей веры никто не пострадает.

– Что-то ты сегодня не в ударе, сатана, – фыркнул Фома. – Подобное предложение не искушает меня несколько. Это просто немыслимо.

Дальше они двигались вверх по склону молча. Тропа, обозначенная координатами, постоянно сворачивала и петляла, очевидно, специально, чтобы запутать любого контролера, которому случится забрести в эту глушь.

Неожиданно робосел свернул и бросился в густой кустарник. Фома оторвался от четок (на пальто, одолженном впоследствии христианином, который прошел мимо, когда он лежал в канаве) и испуганно вскрикнул.

– Такие заложены координаты, – коротко сообщил ему робосел.

Некоторое время Фома чувствовал себя словно герой детской считалочки, который свалился в заросли куманики и выколол себе оба глаза, но вскоре кустарник остался позади, и они оказались в узкой расселине с влажными каменными стенами, где даже робосел продвигался осторожно, с трудом подыскивая, куда бы ступить.

А потом расселина привела их в пещеру метров десяти диаметром и метра четыре высотой, где на грубом каменном постаменте лежало нетленное тело человека.

Фома сполз с седла, застонав, когда ребра отозвались острой болью, но сразу же упал на колени и безмолвно возблагодарил Господа. Улыбаясь робослу, он искренне надеялся, что пси-фактор поможет тому уловить в его улыбке и сочувствие, и триумф.

Однако спустя несколько секунд, когда Фома приблизился к телу, на его лице отразились сомнения...

– В прежние времена в разбирательствах при канонизации святых всегда участвовал человек, называвшийся «адвокатом дьявола», – сказал Фома не то себе, не то робослу, – и в его обязанности входило всячески подвергать сомнениям любые доводы в пользу святого.

– Ты, Фома, просто создан для этой роли, – откликнулся робосел.

– Если бы мне выпала такая обязанность, – пробормо-

тал Фома, – я бы первым делом задумался о пещере. Некоторые из них обладают странным свойством предохранять тела от разложения, мумифицируя их и...

Робосел подошел вплотную к постаменту.

– Не волнуйся. Это тело не мумифицировано,

– И это тебе тоже подсказал твой пси-фактор? – спросил с улыбкой Фома.

– Нет, – ответил робосел, – но я покажу тебе, почему Аквин не мог мумифицироваться.

Подняв суставчатую переднюю ногу, он с силой ударил копытом по руке Аквина. При виде такого святотатства Фома вскрикнул от ужаса... затем пристально взгляделся в раздавленную плоть.

Он не увидел ни крови, ни бальзамирующей жидкости, ни посиневших мышц – лишь разорванную тонкую кожу, а под ней сложное переплетение пластиковых трубочек и проволочек.

МОЛЧАНИЕ тянулось долго. Наконец робосел сказал:
– Ты должен был узнать об этом. Но только ты один.

– И все это время, – слабым голосом произнес Фома, – святой, которого я искал, был всего лишь моей мечтой, единственным непогрешимым роботом в человеческом обличье.

– Его создатель умер, и секрет изготовления был утерян, – добавил робосел. – Но мы, без сомнения, откроем его вновь.

– Все – впустую! – продолжал свое Фома. – Хуже того! Так называемое чудо оказалось творением Технархии!

– Когда Аквин умер, – монотонно говорил робосел, – и «умер» нужно поставить в кавычки, это произошло из-за каких-то механических неполадок. Он не решился на починку из боязни открыть людям свою природу. Но этого не должен знать никто, кроме тебя. В своем отчете ты, разумеется, сообщишь, что нашел тело Аквина неповрежденным и нетленным. Это правда и ничего кроме правды, а если это и не вся правда целиком, то кому какое дело. Пусть твой непогрешимый друг воспользуется этим сообщением, и, уверяю тебя, он будет благодарен.

– Святой дух, милости прошу и мудрости, – пробормотал Фома.

– Твоя миссия выполнена с успехом, и теперь мы вернемся. Церковь вырастет и окрепнет, а твой бог обретет множество верующих, чтобы петь святые гимны для его несуществующих ушей.

– Будь ты проклят! – воскликнул Фома. – И обладай ты душой, это было бы самое настоящее проклятье!

– Ты уверен, что у меня нет души, – сказал робосел. – Вопросительный знак.

– Я знаю, кто ты на самом деле. Ты – воплощение дьявола, бродящего по земле и жаждущего уничтожения рода человеческого! Ты – нечисть, крадущаяся во тьме! Чисто функциональный робот, созданный и запрограммированный, чтобы искусить меня, и лента с данными, в тебя заложенная, это насквозь лживая лента!

– Не искусить, – ответил робосел. – И не уничтожить. Спасти тебя и направить. Наши лучшие вычислители доказали, что ты, с вероятностью 51,5 процента, станешь в течение следующих двадцати лет папой. Если я смогу

научить тебя мудрости и практичности, вероятность этого исхода поднимется до 97,2 процента, что очень близко к полной уверенности. Разве ты не хочешь видеть церковь такой, какой ее мог бы сделать ты. Сообщив о неудаче, ты потеряешь расположение своего друга, который, ты сам это признаешь, отнюдь не непогрешим в большинстве случаев. Ты лишишься преимуществ контакта с папой и своей позиции, которая может со временем принести тебе красную кардинальскую шапочку; хотя, возможно, тебе никогда не доведется носить ее открыто, пока существует Технархия, а после...

– Стоп! – закричал Фома. Его глаза сверкали, а лицо светилось внутренним огнем, чего до сих пор за ним не отмечал даже пси-фактор. – Все наоборот! Разве ты не понимаешь? Это триумф! Блестящее завершение поисков!

Робосел провел суставчатой ногой по искаленной руке Аквина.

– Это. Вопросительный знак.

– Именно. Это твоя мечта. Твой идеал совершенства. И что же из него вышло? Этот совершенно логичный мозг – универсальный мозг, в отличие от твоего, специализированного, знал, что он создан человеком, а его логические построения привели к вере в то, что человек создан Богом. И он осознал свой долг перед его творцом, человеком, и перед творцом человека, Богом. Этот долг – обращать в веру людей к вящей славе Господней. И он обращал – чистой силой своего совершенного разума... Теперь я понимаю, откуда пошло имя Аквин. Мы знали святого Фому Аквинского, безупречного логиста нашей церкви. Его писания утеряны, но они наверняка существуют где-то, и мы

еще сможем найти, хотя бы один экземпляр. Мы сможем обучить нашу молодежь, чтобы они развили его учения дальше. Слишком долго мы полагались только на веру, но время одной веры прошло. Мы должны призвать на помощь логику, разум, и Аквин показал нам, что совершенный разум может привести только к Богу!

– Тогда тем более необходимо увеличить твои шансы на папство, ибо только так ты сумеешь реализовать эту программу. Садись в седло, и мы отправимся назад, а по дороге я научу тебя кое-каким приемам, которые помогут тебе увеличить шансы...

– Нет, – сказал Фома. – Я не святой Павел, я не настолько силен. Он мог позволить себе хвалиться своими немощами и ликовать, когда ему был дан ангел сатаны, чтобы удручать его. Но не я. Я лучше помолюсь Спасителю. Не введи в искушение... Я ведь немного себя знаю. Слаб я и полон сомнений, а ты очень хитер. Уходи. Я сам найду дорогу назад.

– Ты нездоров. У тебя сломаны ребра, и тебе больно. Ты никогда не доберешься назад сам, тебе нужна моя помощь. Если хочешь, можешь приказать мне замолчать. Для церкви крайне важно, чтобы ты вернулся к папе со своим сообщением, ты не можешь ставить себя выше церкви.

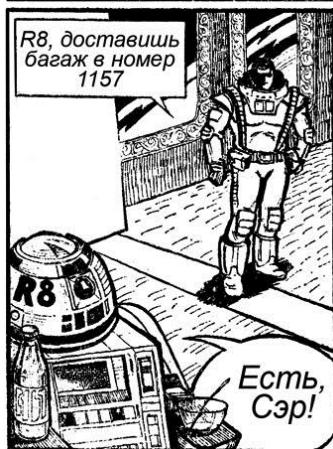
– Прочь! – выкрикнул Фома. – Отправляйся назад к своему Никодиму... или Иуде! Это приказ! Повинуйся!

– Неужели ты в самом деле думаешь, что я запрограммирован подчиняться твоим приказам... Я подожду в деревне, доберись хотя бы туда, и ты возликуешь, едва только увидев меня.

Ноги робосла зацокали по каменному проходу. Вскоре эти звуки растаяли вдали, и Фома упал на колени перед телом существа, которого в мыслях он уже называл, святым Аквином-Роботом.

Сломанные ребра болели невыносимо. Пробираться к деревне в одиночку будет, конечно, ужасно...

Молитвы Фомы возносились к небу, словно облака благовоний, и были они столь же бесформенны. Но сквозь все его мысли пробивался крик отца бесноватого юноши в Филиппах: «Верую, Господи! Помоги моему неверию!»

Если замок не будет открыт, придется взрывать, хоть и будет много шума.

ПИПЛИ

Этот сигнал означает, что дверь взламывают!

БОМ!

Романа отбросило взрывной волной, когда он подходил к двери, чтоб узнать в чем дело

Роман, как и всякий следователь SAPO, владел приемами рукопашного боя.

Этих гадов ослепило и парализовало. Теперь остается узнать, кто это так заботится обо мне.

Вот это да-а! Синий
нелдорианин и военный
андроид...

Еще чуть-чуть - и здесь
будет настоящая
мясная лавка.

Окна должны вы-
ходить на сере-
дину реки.
Это шанс! Шанс!

Кажется,
выкрутился

Необходимо пройти как
можно дальше, этот сток
должен выходить в город.

...и все-таки непонятно, кому я так здорово мешаю. Видно, дело Ерансона, которым я занимаюсь, таит в себе еще что-то, чего я не учел.

Как только выпутаюсь из этой передраги, просмотрю дело заново.

Не может быть! Проследить, где я появлюсь?

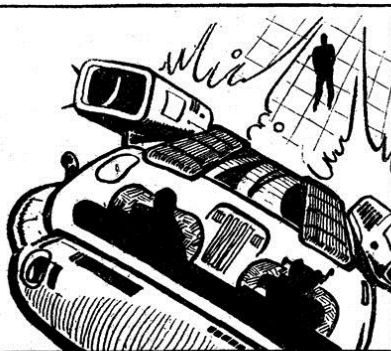
Нет. Меня они упустили и о чем-то совещаются с неизвестным третьим.

Задание выполнили. Следователя Карпова ликвидировали.

...а теперь новое дело. Летите в дендротом КОТИ-2, необходимо ликвидировать служащего Тереса.

...Тереса Камарайо. Это человек, который продал НАМ секрет сделки. Через него ОНИ смогут выйти на НАС. А это опасно.

Закончив разговор, наемники полетели на задание. Третий тоже стал собираться.

Секретная сделка! Что-нибудь противозаконное, к тому же он руководит убийцами...

Во что бы то ни стало требуется его задержать, но КАК?

А! Придется по старинке...

БАД!

Срочно! Оперативную группу SAPO на выезд.

Роман Карпов вызвал оперативную группу, и уже через три часа после гипнодопроса все материалы лежали на столе шефа SAPO.

12

Ознакомившись с материалами допроса, Роман прошел в кабинет шефа.

Мы знаем, что фирма Ерансона под видом компьютеров продавала Гарсии оружие, а "черные волки" где-то на полпути его украли.

Найти доказательства и наказать фирму мы сможем, но вот оружие - оно в руках бандитов, и неизвестно, как они им воспользуются.

Эта бумага подтверждает, что Джорджия принадлежит Гарсии, и на ней "волки" спрятали оружие.

Но если здесь замешаны гарсиане, то они не дадут нам провести расследование.

13

Похоже, дело пока придется закрыть. Притянуть фирму к суду, мы должны будем рассказать и о Гарсии.

Да, наши дипломаты будут нами довольны, но если бы оружие...

...если вы дадите мне частный корабль, то я готов не неофициальное расследование.

ХОРОШО!
Я согласен на неофициальное.

14

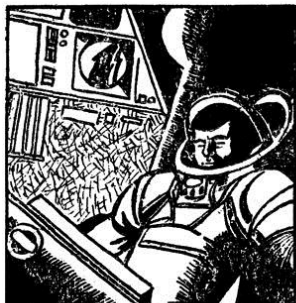

Не волнуйся,
Роман, все будет
о'кей.

Через неделю все было подгото-
вовлено, и корабль "Буза-Лула"
взял старт к планете Джорджия,
где предположительно было
спрятано оружие.

Спасибо, ше...,
Борис Кузьмич.

15

..8 ..7 ..6 - даже в эко-
скафандрах при ги-
перпрыжках чувст-
вуешь себя лягушкой
на столе у лаборанта.

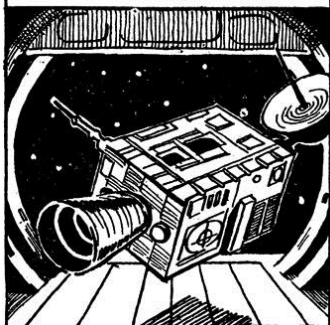
2.. 1.. 0.. - на экра-
нах "Бузу-Лулы"
что-то замерцало,
... и звонок сообщ-
ил, что скачок
удался. На глав-
ном экране свети-
лась Джорджия.
И... что-то еще?

Какое-то судно на
всех диапазо-
нах вопило
о помощи.

16

"Бузу-Лула" приняла терпя-
щий бедствие корабль в один
из своих грузовых трюмов.
Роман хотел было...

Ос-с-сёл!! Около этой
планеты должна была
быть ловушка - и ты
угодил в неё!

Романа спасло то, что авто-
матика успела сработать и
его выбросило.

17

Все не так плохо!
Я жив и спускаюсь на планету.

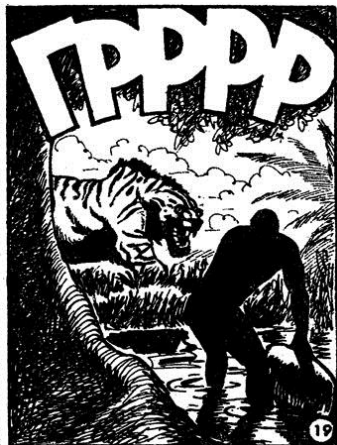

Вполне благополучно приземлившись, Роман запустил разведывательный зонд...

18

По таким джунглям до того места, что указал разведчик, дней пять пути будет

19

Отличная штука - распылитель, жертва померцает и исчезнет.

После того, как я подстрелил тигра, меня не покидает чувство, что за мной кто-то все время следит.

20

Услышав шум, а после и крик о помощи, Роман понял, что человек в беде.

Сто-о-й! Кто ты? Стой! - Вдруг Романа осенило, - Стой, я не "черный волк"!

Странное существо сдернуло с себя маску, имитирующую голову крысиного динозавра: - Я Дженифер МакГрей с планеты Дин-Аллан.

Меня похитили "черные волки", но я бежала и погибла бы в этих чащах, если бы не вы.

Дальше решили идти вместе.

21

Послушайте, Дженифер, вы, наверное, знаете, где находится их корабль?

Да! Он в западном каньоне, в трех днях пути

На третий день

Еще немного, Роман... Но я ужасно хочу есть.

22

Кстати, "черные волки" употребляют таких в пищу.

Надо найти пещеру и развести костер

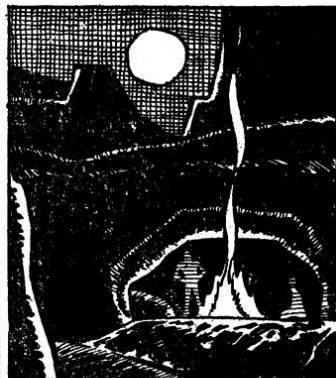

23

Знаешь, никогда бы не подумал, что буду есть динозавра, да еще на другой планете

Завтра будет трудный день, Дженифер. Если со мной что случится, вызови по этой рации полицию, и мои друзья помогут тебе вернуться домой.

И Роман рассказал Дженифер о себе и своем задании.

24

Они, Роман, замаскировали транспорт под старую скалу, издали очень даже похоже.

Оставив Дженифер, Роман побежал искать вход в корабль "черных волков".

А-га! Вот он! Если в этой скале спрятан транспортник, то вход наверняка проведет меня в головной отсек.

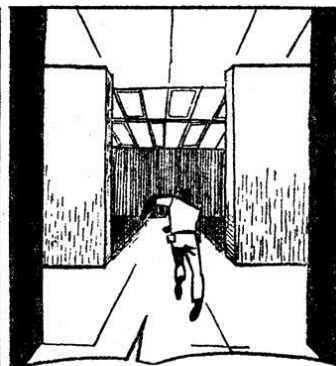

25

Пойдем, Ханрос. Не верю я, что здесь кто-то будет шататься

Идите, идите! Кому не надо, здесь не ходят.

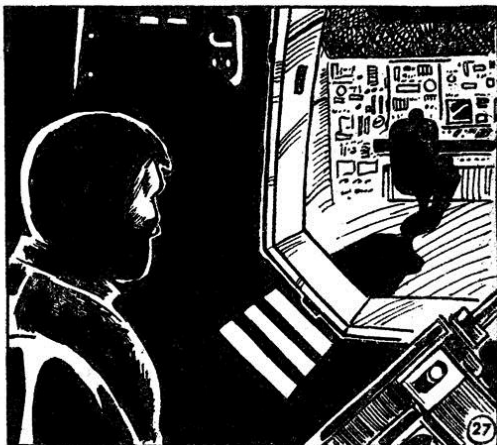

Теперь только бы проникнуть незамеченным в рубку.

26

Кажется, здесь должна находиться рубка связи. В ней обычно помещается главный компьютер.

27

Роман нашел гнездо для подключения к главному компьютеру и вставил программатор

28

Вдруг в рубке появился еще кто-то

Руки вверх! Парень, чуть что - стреляю!! Зачем ты, свинья, убил нашего радиста?

Да, на этот раз, кажется, выкрутиться не удастся...

29

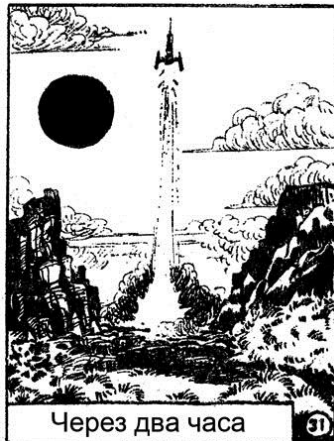
Роман, я не могу жить без тебя. Пускай будут опасности, но лишь бы с тобой.

А теперь скорей бежим!

Я установил программатор, и он сам перепрограммирует компьютер корабля и выведет его в район, где уже ждут наши...

Через два часа

Победа, Дженифер! Корабль уже взлетел, а скоро и нас заберут отсюда.

Роман посмотрел на золотистые волосы Дженифер и понял, что не сможет расстаться с ней НИКОГДА.

КОНЕЦ

Михаил Козловский

Сказка о сказке

– Синее-синее небо. А ты хочешь, чтобы оно было синим?

– Хочу. Еще я хочу, чтобы по этому небу летела белая-белая птица. А ты этого хочешь?

– Не знаю, наверное, хочу, хотя не совсем. Я хочу, чтобы та птица была несъедобной.

– Почему?

– Потому что иначе ее убьют.

– Но разве всех убивают?

– Не знаю, но мне кажется, что всех, понимаешь, я просто хочу, чтобы именно эта птица не попала на обеденный стол. А если это невозможно, тогда пусть лучше будет просто синее-синее небо, ведь нельзя, чтобы стреляли в мечту. Когда мечту убивают, – это очень больно.

– Но ведь есть и другие мечты? Пусть, например, по синему-синему небу плывет серебристая точка самолета. Ты хочешь этого?

– Не знаю, наверное, хочу. Хотя нет, ведь в самолете летят люди, значит, он несет на своем борту разлуку.

– Но ведь многие летят и для того, чтобы встретиться.

– Тогда, пожалуй, пусть летят. Только пусть он будет сверхзвуковой, не люблю грохот самолетов.

– Но ведь грохот потом все равно придет.

– Пусть потом, тогда самолета уже не будет за окном.

– Почему за окном? Мы можем в этот момент находиться и не в квартире.

– А мы тогда увидим синее-синее небо?
– Конечно. Даже еще лучше.
– Нет. Нас будет отвлекать белый-белый снег или зеленая-зеленая трава.

– Не будут. Мы вначале посмотрим на небо, а потом на землю.

– А так разве можно?

– Можно.

– А я так не хочу, я хочу видеть все сразу.

– А разве из окна ты увидишь все сразу?

– Не знаю, думаю, что увижу.

– А ты пробовал?

– Пока нет.

– Давай попробуем.

– Нет, не хочу.

– Почему?

– Знаю, что не получатся, и не хочу разрушать сказку. Знаешь, я был не прав, лучше синее-синее море. А ты хочешь, чтобы оно было синее?

– Конечно, хочу. Еще я хочу, чтобы по морю плыл белый-белый парус. А ты этого хочешь?

– Не знаю, наверное...

– Послушай, я никак не пойму, кто ты, мечтатель или...

– Я, пожалуй, я... «или», вернее, мечтательный «или»... Понимаешь, я очень люблю умные сказки и живые мечты.

– Но я их тоже люблю.

– Да, но еще я боюсь, что мечты можно убить, а сказки разрушить.

– Но ведь ты сам этим занимаешься.

- Нет, просто хочу создать такую сказку...
- Которую никто бы не смог разрушить?
- Нет, которую никто бы не захотел разрушать.
- А зачем тебе такая сказка, ведь если ты ее создашь, то ты-то сам не сможешь в нее поверить?
- Смогу. Только помоги мне создать ее.
- Хорошо, давай. Итак, как ты сам начал: синее-синее море. А по нему у нас проплывет...
- Стоп. Пусть никто не плывет, пусть будет просто синее-синее море... над которым будет синее-синее небо, на берегах моря лежит белый-белый снег и растет зеленая-зеленая трава.
- Но ведь это слащаво?
- Нет, это правда.
- Тогда это не сказка.
- Сказка. И главное, что её никто не захочет разрушать.
- Так уж и никто, ведь придут люди, которым захочется построить на берегу приливную электростанцию, запустить в небо самолет? И не только захочется, они это сделают.
- Ну и пусть, ведь сказка все равно останется.
- Тогда я тебя не понимаю.
- Как? Послушай! Ведь сказка останется в их сердцах, в сердцах тех, кто ее увидит. Они ее сфотографируют, нарисуют, напишут о ней стихи, они будут ее рассказывать своим детям, а тем тоже захочется найти ее, найти свою сказку про море, небо, снег и траву, и они пойдут ее искать, и обязательно найдут...
- И опять начнут ломать и строить?

– Да, но все повторится потому, что они люди. А людям нельзя без сказки, без такой сказки, которую никому не захочется убивать.

– Но, ведь когда-то такие райские уголки исчезнут?

– Нет, один останется, даже не один, а два.

– Почему два?

– Один в сердцах и мыслях людей, а второй они специально сохраняют. Они его сделают парком, и он будет последним, они будут в него пускать только тех, кто уже побывал в том, первом.

– А все-таки как же белая-белая птица?

– Птица... В том парке будет такая птица, потому что люди, которых пустили в него, никогда не будут стрелять в мечту.

– А ты уверен, что это будет их мечтою?

– Да, она будет жить в этой сказке.

– Но ведь ты сам ее оттуда вычеркнул?

– Пока да, но потом я ее поселю обратно.

– А самолет, а парус?..

– И их тоже.

– А как же грохот разлуки?

– Не знаю, думаю, что и их.

– Но тогда...

– Нет, ты не прав.

– Почему же?

– Не знаю, подумай сам. Тебе надо посетить тот первый уголок.

– А я смогу?

– Думаю, что сможешь, ведь ты человек.

– «А это звучит гордо». Так, что ли?

- Так.
- Ты полез в высокие слова.
- Нет, я полез в сказку.
- Тебе хорошо там?
- Очень!
- Возьми меня к себе.
- Полезай.
- Вам хорошо там?
- Очень!
- Возьмите и нас.
- Полезайте!

Юрий Брилль

м у х а

ТЫ смотришь на замечательную стюардессу, она улыбается тебе (и не только тебе) с плаката, и начинаешь понимать, что обманут в своих лучших чувствах к ней, а в ее лице – ко всей гражданской авиации. Тебя уже не завораживает блистательная надпись: «Летайте самолетами Аэрофлота». Была, оказывается, возможность лететь другими, не аэрофлотовскими самолетами, а ты проморгал и теперь готов лететь хоть на метле. Прошло три... четыре томительных часа. Жизнь не такая уж долгая, а Аэрофлот, надо думать, не вернет украденного времени!.. Кофе в буфете отвратителен, в зале душно, и вообще жизнь разбита. Впрочем, это только в

первые часы зуд нетерпения: лететь, лететь, но пройдет день, два, неделя... и перестаешь ждать, а начинаешь просто жить.

Народ в аэропорту Мыса Каменного собрался бывалый, кому и месяц, кому и два приходилось дожидаться рейса. Даже залетный корреспондент не теряет присутствия духа, хохочет, слушая байки, потирая широкое бабье лицо.

Несколько в стороне от честной компании, на краю скамейки, сидел мужчина неопределенных лет и стертой наружности. Время от времени он снимал кожаную шапку, скреб стриженую наголо шишковатую голову, застенчиво улыбался. На нем была черная, классическая, каких геологам давно не выдают, фуфайка, явно не по сезону кирзачи. Поерзал, несмело придвинулся ближе, сказал:

– Со мной тоже был случай... человека убил. – Видимо, сообразив по вытянувшимся лицам, что сказал не то или не так, полез в карман, достал справку с треугольной печатью.

– Думаете, я, того, с катушек?.. Вот, никаких отклонений.

Корреспондент, которому была протянута бумага, брезгливо взял ее, подержав, не читая, вернул: ага, стал бы нормальный человек обзаводиться таким документом.

– Ну, а летишь куда?

– Домой. Отмотал положенное, – и лечу.

– В южном направлении, стало быть?

– Южный берег, угадал, Ледовитого океана.

– Отлично, – захмыкал корреспондент. – Ну, как, старина, значит, с отдыха-то и на юга... Ништяк!

Геологи сдержанно хохотнули, корреспондент подсел к типу со справкой ближе.

О ПЯТЬ дует. Вернее, и не прекращало дуть. Чубарь слушал, как гремит железо под напорами ветра, то и дело переворачивался, меняя отлежанные бока. Но вот от дернул грязную ситцевую занавеску, обвел тусклым взглядом нехитрое обиталище: печь, железный сварной стол, ящики и мешки до потолка, висевшие на веревках вонючие шкуры. И еще одна кровать, никелированная с нелепыми по краям спинок шишечками, что постоянно выкручивались и падали на пол. На кровати его напарник Самойленко.

Чубарь сунул ноги в валенки с обрезанными голенищами, прошел к оконцу. Свысока, с балки, обтекая крутолобые то росы, змеисто струилась поземка, затуманивала пуржистыми дымами мерзлое пространство, оголтело подхватывалась над синими стекляшками озера, шрапнелью осыпала бронированный коробок фактории, норовя сдуть, опрокинуть со свай, погнать по тундре перекатипелем.

– Не приедут, – сказал Чубарь, позевывая.

Самойленко не откликнулся. Напарник имел обыкновение спать с открытыми глазами. Спит или не считает нужным ответить? На лице обычное выражение, будто что смекает, прикидывает.

Вспомнив, что его очередь дежурить, Чубарь натаскал полный с верхом угольник угля. Никудышный уголишко, к тому же наполовину со снегом – натрусило в ларь через щели. Уметь надо таким топить. Взял кочергу, принялся

растравливать огонь, что поначалу незлобиво огрызался на его удары синюшными языками пламени, исподволь подсушивал, прогревал свежую порцию топлива, вдруг вспылит, давай яростно ее пожирать. Вскоре Чубарь стянул продравшийся на локтях свитер, остался в тельняшке. Снова прилег, поковырял пальцем белокаменный налет инея на шляпке вбитого в стену гвоздя, приложил пятерню к трубе отопления – не то. В печь полетели щепки расколотого ящика, щедро политые соляжкой рваные штаны. Наконец, он уgomонился, сел, подпер голову рукой.

– Муха! – вскочил он с места. – Муха!

По клеенке стола ползла муха.

– Тише, брат, сон... – невнятно забормотал Самойленко.

– Муха, я говорю!

– У, бык мордастый! – застонал Самойленко. – Вечно не даст поспать! – Он откинул одеяло, сел по-восточному и, потирая цыплячью ступню, сказал со вздохом:

– Опять снилась.

– Кто?

– Да Шурочка, кто еще?! И ярко, зараза, ярче, чем в кино.

Сочиняет, подумал Чубарь.

Пять лет назад Чубарь и Самойленко метили профиля в геодезической партии, Шурочка варила им вкусные борщи из оленины и квашеной капусты. Другое дело, приснилось бы тогда, пять лет назад. Тогда Шурочка всем снилась, и всем одинаково ярко. Странно даже, что сны эти не запачкали ее. Чубарю тогда Шурочка виделась чаще, чем кому-либо, но это опять же ни к каким последствиям не привело.

Самойленко принялся рассказывать сон, бесстыдно смакуя подробности.

– Пусть живет, – перебил Чубарь.

– Кто? – уставился на него Самойленко.

– Муха.

– Уй, заразу разводить! – Самойленко хватанул маленькой ладошкой над столом.

– Пусть живет, я сказал! – заиграл желваками Чубарь.

– Он сказал, – засмеялся Самойленко.

Чубарь бухнулся на постылую кровать. Вспомнилось, как было хорошо в геодезистах. Пятеро в балкэ, если не считать лемминга. Но как его не считать? Тоже товарищ, хотя и зверушка. Мордочка широкая, глазки умные, хвостик куцый и настоящая попка. Животное, не то что мышь. Напашешься – упадешь на нары, а лемминг тут как тут. Заберется на грудь, расхаживает по-деловому, на задние лапки встает, передними бороду расправляет, интересно ему – будто лес какой дремучий. Чубарь баловал лемминга пастилкой. В тот год ее было навалом. Забросили с навигацией. Видно, по ошибке. К концу сезона лемминг пропал.

ПЛЕСКАВШИЙСЯ над умывальником Самойленко затрубил: одна ноздря, другая. Громко, на всю тундру, хотя носик маленький, схватиться не за что.

– Здравствуйте, ребята! Слушайте «Пионерскую зорьку», – шутит еще, мерзавец.

– Бра-ат, – нежно сказал Чубарь, – на земном шарике шесть миллиардов гавриков, а мы с тобой, ты и я, почему?

Пацанку не видел два года, даром, выходит, алименты перевожу, а ты — вот он. Просыпаюсь — ты, ложусь спать — опять ты. Поясни, брат, как так?.. Э-эх, хоть бы бороду отрастил!

Самойленко тщательно, как на парад, выбривался.

В общем-то, они были привязаны друг к другу. Чубарю нравилась невозмутимость Самойленко. Вечная ухмылочка: будто, что прикидывает. Еще тогда, в геодезистах, он повсюду возил за собой «Феликс» и с точностью до копеек просчитывал зарплату отрядников. Не раз вставлял бухгалтерам фитилей, за то ненавидели его те, как классового врага. Книг он не читал, в карты не играл, вечерами все что-то подсчитывал, и все ему не хватало бумаги. Аккуратные цифровые столбики украшали стены балка.

Да ведь и Чубарь молодец. Любо-дорого смотреть, как месит тесто: чудовищные бугры его мышц перекатывались, железный стол постанывал. Ненцы отличали хлеб, который он пек. Тесто промешивал хорошо и не экономил на продуктах, хотя случалось, кто-нибудь находил в булке запеченную пуговицу или обрывок шпагата.

Правда, в геодезической партии они не были друзьями, а после их дороги и вовсе разошлись. Но встретились как-то в «Севере», Самойленко и уговорил Чубаря принять факторию. Первоначально Самойленко наладился ехать с Марийкой Балабановой. Была бы по всем статьям показательная фактория, но в последний момент Марийка сделала финт, укатила с Борей-летуном на Большую землю. Самойленко ничем своего огорчения не выдавал — все та же ухмылочка.

— Да, брат, с тобой проще простого опуститься, — дра-

ил зубы Самойленко. – Уголь просыпал – нет, чтобы подмести. А, говоришь, на флоте служил. Как только твой корабль не затонул от грязи?!

Чубарь начерпал из бочки со льдом натаявшей воды, вооружился «лентяжкой». Прошелся ей по полу, собрался вылить воду в раковину умывальника.

– Чистюля! – заругался он на Самойленко. – Моешься, а вода-то не проходит! – Взял с печки чайник, полил тонкой стружкой в раковину; дюймовая труба, дырявившая пол, забилась льдом.

– Э-эй!.. Это ж чай, два дня настаивался, а ты!..

– Жалко?

– Воды, что ли, нет?

– Еще осталось систему разморозить! – бурчал Чубарь, прочищая сливную трубу. Израсходовав весь чай и полбидона гревшейся на печке воды, удовлетворился, заткнул отверстие плотно пригнанной деревянной пробкой, чтобы тепло не высвистывалось,

Самойленко взялся наводить порядок.

– Валенки разве сюда надо ставить? – Поставил ближе к печке, куда надо. – А рукавицы?.. – Аккуратно разложил рукавицы на трубе отопления. Прошел туда и сюда, оглядывая дом критическим взглядом. – Да-а, порядок!.. – Поднял с пола кроватную шишечку, прикрутил.

– Мое дежурство, – напомнил Чубарь.

Самойленко меж тем взял тряпку, приподнял с подоконника стакан, в котором стояла ветка карликовой березы, вытер грязь, некоторое время задумчиво глядел в окно, потом вскрыл фрамугу, выплеснул из стакана воду вместе с веткой.

Две недели ветка была безжизненной, но Чубарь приметил, нижняя почка набухла, накапливает силы, чтобы выбросить зеленый флажок. Он содрал с гвоздя гитару, запел:

– Мыла Марусенька белые ноги!.. – маленькая гитарка мучилась в его могучих руках, звук плавал. – Во, – прервал он пение, – я назову ее Марусей. Маша, Маруся, Марийка... Марийка, ты где? – засмеялся он, оглядывая стены и потолок. – Брат, тебе нравится это имя?

Самойленко не подал виду, что имя это о чем-то ему говорит. Чубарь бросил гитару на кровать – она глухо застонала, душа в себе звук. Лег, отвернулся к стене.

– Не приедут.

– А?..

Через какое-то время Чубарь почувствовал: в спину уперлось что-то твердое. Обернулся – ружье.

– Пойду зайчишек погоняю, – Самойленко стоял уже одетый, перепоясанный патронташем.

– Давай, – сказал Чубарь, отводя ружье. Он видел в окно, как Самойленко вскарабкался на снежный бархан, перевалил через него и пропал. Не прошло и пяти минут – вернулся.

– Кой черт, зайцы! – пританцовывал он, с ног до головы запорошенный снегом.

СТЕМНЕЛО. Накинув ватник, Чубарь вышел во двор, завел «чапалку» – загорелись лампочки, стало уютнее.

– Я еще пацаном был, откуда что, в поселке – эпидемия, вирус навроде спиды, от грязи заводится... – начал было вспоминать Самойленко.

- Рассказывал, брат, – перебил Чубарь.
- Может, поедим?
- Это дело. Мяска навернем, как думаешь?
- Не скоро сварится, старое.

Оленина действительно была старой, быки по шестьдесят килограммов. Чубарь сам загружал их в АТС, не копался, взял туши, лежавшие с краю. Стало быть, его вина.

– Обязательно варить? Ненцы не варят.

– Вот и ты, брат, не вари, а я лучше тушеночки наверну. – Самойленко вспорол банку тушенки, банку фасоли в томатном соусе, зажег газовую плиту, хотя можно было подогреть еду на печке – и вскоре затрещало на сковородке. – Эх, лучку забыл! – подрезал и лучку. – Лаврушечки разве для пущей важности? – Положил два лавровых листка. Попробовал, облизал по-крестьянски ложку – вкусно. Сел, принялся за еду.

Черпал аккуратно, с одного края, так что Чубарь мог догадаться, что противоположный край сковородки предоставляется ему. Но такое приглашение к столу было ему не по душе. Он сходил за оленьей ляжкой, достал из тумбочки аджику. Отрезал небольшие кусочки мяса, макал в баночку с острым соусом и ел.

– Проголодалась, поди, Марийка? – обрадовался Чубарь, увидев деловито ползавшую по столу муху. – Отрезал щедрый – рядом с мухой прямо гора – кусок. – Рубай, не стесняйся... – Но у мухи, видать, была губа не дура, сделала круг над столом, села на край сковородки.

– Кыш! – махнул рукой Самойленко.

– Ты что, Марийка, не знаешь этого жадюгу?! Рубай со мной. Мне не жалко.

Поели. Чубарь взял «Спидолу» – шум, треск.

– Радиоволны – и то не проходят, а ты говоришь, ненцы.

Дуло с небольшими перерывами около месяца – и никого около месяца не было. Последним приезжал ненец Миша. Зашел, молча посидел у печки, глядя на огонь, потом сказал:

– Ящик дай – ребенка умер.

Свободной тары не было, тотчас сжигали, но Чубарь опростал три ящика из-под консервов, отдал без сожаления. Миша не захотел оставаться в долгу, вынул из-за пазухи песка. Тогда Самойленко извлек из кармана микрокалькулятор, намереваясь рассчитаться с клиентом по всем правилам, но тот решил, что расчет уже состоялся, шагнул за порог, присел на нарты, взмахнул хореем, исчез в начинавших дуть и завихриться пуржистых дымах.

Километрах в пяти от фактории обдувалось ветрами стойбище мертвых – холмиры. По извечному закону ненцы не предавали тело умершего земле – сколачивали для него ящик, давали с собой в неведомую дорогу все, что было необходимо в этой жизни, вплоть до оленьей упряжки и детской погремушки. И это стойбище грубо сколоченных ящиков с мертвецами было единственным на многие километры, что оживляло пространство. Оно будто не стояло на месте, угрюмым стадом брело встречу ветра, ища пристанища.

Самойленко подсчитывал что-то в уме. Глаза его устремлялись в потолок, выискивая что-то там, находили, и тонко отточенный карандаш выводил в записной книжке аккуратную цифирку. Чубарь лепил из хлебного мякиша

дом для мухи. Получался похожий на двухэтажный ба-
мовский.

– Марийка, – позвал Чубарь, любуясь своей работой. –
Глянь, какой я те кооператив отгрохал! Безвозмездно,
между прочим. И стол, и дом. Пользуйся.

Муха, высказывая свои исключительные способности к
дрессировке, подлетела к домику, обошла его вокруг, по-
тыкала хоботком в стену, придирчиво исследуя качество
строительного материала... Перед глазами Чубаря Самой-
ленко возник неожиданно, когда после резкого хлопка по
столу домик вместе с мухой превратился в лепешку.
Наотмашь, левой, чуть привстав с тонко скрипнувшей
кровати, Чубарь ударил Самойленко в бледную щеку.
Взмахнув короткими ручками, тот опрокинулся вместе с
лавкой, на которой сидел, тюкнулся виском о кроватную
шишечку и повалился, бумкнув еще затылком об обитый
железом пол у печки. Забил, заскреб каблуками, перевер-
нулся на бок, скрючился и затих. Еще не отдернув руку от
удара, еще даже не коснувшись бледной щеки Самойлен-
ко, Чубарь пожалел о вспыхнувшем и сгоревшем, как по-
рох, гневе.

Он сидел в ожидании, что Самойленко встанет, и не
скоро понял, что этого не произойдет.

– Э-э... брат... ты что?.. Перестань, слушай... – Он
наклонился над Самойленко, отнял руку с зажатым в ней
карандашом от виска, увидел струйку крови. Глаза откры-
ты, выражение лица почти обычное: смекает что-то, при-
кидывает. Добавлялось только, что будто знает конечный
результат. Знает, а на остальное ему плевать.

Тарахтевшая на морозе «чапалка» астматически зады-

халась, лампы горели тускло.

Чубарь вынул из умывальной раковины пробку, подержал тыльную сторону ладони над дыркой, наблюдая, как седеют волосы, покрываясь инеем. Подумав, распечатал фрамугу – закрубились в схватке струи теплого и холодного воздуха. Холодный постепенно и настойчиво заполнил собой емкость помещения и вскоре проник во все потаенные уголки и щели. Лопнула по сварному шву труба отопления, выжались несколько капель, заледенели грязно-ржавой сосулькой. Ворсистый иней окутал стены и порог дома, мириадами звезд искрились кристаллы. Хрусталем посверкивал лед в железной бочке.

«Чапалка» затихла, звезды погасли. Темень и холод.

С ПЕРВЫМИ потугами позднего январского утра Чубарь достал рюкзак, бросил а него оленью ляжку, три пачки сахара, баночку аджики, джинсы фирмы «Риорда». Повесил на плечо ружье, опоясался патронташем. Задраил фрамугу, заткнул деревянной пробкой дыру в умывальнике. Вышел из дома, повесил замок и ключ бросил в тундру.

– Прощай, брат, – тихо сказал он, стоя на закаменевшем снежном пригорке, наметенном пургой перед домом. Только теперь выжались две крохотные слезинки. Все кончено, надо уходить. Единственное утешение, что товарища похоронил по закону тундры: ящик фактории большой и крепкий, на века. А в нем все необходимое для продолжения коммерческой деятельности: хлеб, прочие продукты, пром- и хозтовары, микрокалькулятор...

День, а день длился не более трех часов, Чубарь шагал

по тундре, не особенно думая о выбранном направлении. И когда солнце потерялось в мгlistых барханах, его случайный путь пересекся с оленьей упряжкой. Олени пугливо шарахнулись от него, заснеженная гора оленьих шкур пошевелилась, из нее выгнездилась голова ненца, лица не видно, даже глаза закрыли медные бляхи снежных очков «хад сырця». Только прорези, чтобы смотреть, не шире, чем в копилке. По сравнению с ненцем Чубарь был одет более чем налегке. Коротковатый ему полушубок, собачья шапка, унты, ватные штаны, В распахнутом воротах виднелась тельняшка, три обязательные полоски.

– Потерялся маленько, – сказал ненец. – Куда еду, не знаю.

– А ты кати по профилям, – посоветовал Чубарь. Он ведь и сам шел от вешки к вешке, которые когда-то собственноручно ставил. Шел, хотя и не сознавал этого.

Позже Чубарь подумает, что ненец катил в фабрику и катил зря.

Всю ночь, а ночь длилась соответственно 21 час, он шел, надо было идти, чтобы не замерзнуть. Пурга понемногу стихала, обнаружились звезды, облитая лунным светом сахаристо-снежная глазурь позвенькивала под ногами, звонко попискивала. И эти чистые музыкальные звуки постепенно обратились в красивую мелодию восточных инструментов.

В нее влились нежные голоса, поющие о жаркой пустыне, о глотке воды, о прекрасном городе, недоступном, как мираж. Он свернул с профилей, пошел на песню – и скоро набрел на чум. Хозяином чума оказался Сергей Вэлла. С ним еще жили жена, двое детей, мать и два двою-

родных брага. Песня же лилась из кассетного магнитофона «Романтик-6».

Чубарь погостил в чуме три дня, подарил Сергею джинсы фирмы «Риорда», в качестве ответного подарка обрел подержанную малицу и пимы. Теперь в пургу, в мороз он мог спать, закопавшись в снег, подобно куропатке.

В феврале Чубарь вышел на брошенную буровую. Облюбовал один из балков, откопал от снега, вставил стекла, в другом нашел газовую плиту и пару неистраченных баллонов. Обследовав груды ржавеющего металлолома, нашел еще немало полезных вещей. Можно было наладить стоявший поодаль «КамАЗ», но куда больше по душе ему были трактора. Выбрал один из трех поновее, болотник, повозился неделю – завел. Личный транспорт в тундре – дело не последнее. Место было удобным: мимо проходил зимник, от Сеяхи и обратно, раз в неделю шныряли трактора и вездеходы, так что всегда была возможность обменять железяки на продукты. Этого добра, железяк, на брошенной буровой было предостаточно, два миллиона освоили... Чубарь представлялся всем сторожем, и ни у кого подозрений не возникало. Хвалили начальство: правильно, надо охранять – ценности все ж кое-какие.

Жил, жаловаться грешно. Стрелял куропаток, разжился сетью, долбил майну в озере, лавливал омуля. Но к лету наскучило гнать дурочку, поехал колесить на тракторе тундру. Солярка в тундре имеется, надо только знать, на каких профилях стоят у геологов емкости. Следы его болотника пролагались к Сабете и Харасавэю. Но вскоре он и трактор бросил. Примкнул к рыбакам, ловившим на озерах рыбу по договору с Норильским рестораном. Что-то гнало его дальше.

Летуны как-то рассказывали: кружили однажды над тундрой, искали сейсмоотряд, вдруг откуда ни возьмись человек в малице. Машет рукой: садитесь, дескать. Сели, мало ли.

– Куда летите? Не в Салехард?

– Не...

– Ну, летите...

И улетели. Забыли даже спросить, кто он и какая не-легкая занесла его сюда.

Конечно, это был Чубарь. Кому еще быть?

В милицию он явился сам. Ровно через год. Пришел в Лабытки (г. Лабытнанги) грязный, оборванный, исхудавший... Человека, говорит, убил... из-за мухи. Почему, спрашивают, сразу не пришел? Я бы, говорит, и вообще не пришел, да чирьи замучили: ни лечь, ни сесть.

ДОНАЛЬД УЭСТЛЕЙК **ЛУЧШИ!**

ПЕРВЫЕ признаки насморка Альберт почувствовал в понедельник, в свой Почтовый День, но тогда это его не беспокоило. Из многолетнего опыта он знал, что насморк приходит и уходит со сменой времен года, но никогда не становится серьезной проблемой, заслуживающей обращения к семейному врачу. Откуда он мог знать, что на этот раз насморк возвещает не только весну? Никаких причин думать, что на этот раз...

Короче, тот понедельник был у него Почтовым Днем, как и каждый понедельник в течение вот уже более года. Насморк там или еще что, Альберт как всегда неизменно следовал заведенному порядку Почтового Дня. Без пяти минут двенадцать он достал из верхнего ящика стола большой белый конверт, заправил его в пишущую машинку и адресовал самому себе следующим образом:

Альберт Уайт.

До востребования.

Монкойс, штат Нью-Йорк.

Затем, оглядевшись и удостоверившись, что мистера Клемента поблизости нет, он напечатал в левом верхнем углу обратный адрес. Вот такой:

Через пять дней после получения вернуть по адресу: Боб Харрингтон, редакция «Монкойс Геральд-Стейтсмен», Монкойс, штат Нью-Йорк.

Наконец, вытащив конверт из машинки, Альберт наклеил на него пятицентовую марку из среднего ящика стола и засунул пустой конверт во внутренний карман пиджака. То, что мистер Клемент сам оплачивал почтовые расходы на продолжение этой операции, служило Альберту источником скромного, но очень острого и очень тайного наслаждения.

Оформление конверта как раз и заняло почти целиком последние пять минут до полудня. Оставшиеся несколько секунд Альберт потратил на то, чтобы привести стол в порядок, и ровно в двенадцать ноль-ноль он встал, повернулся направо, прошел к выходу и отправился на ленч, закрыв за собой дверь, на которой значилось: «Джейсон Клемент. Адвокат». Первую остановку он, как всегда по

понедельникам, сделал на почте, где получил в отделе корреспонденции «до востребования» пухлый белый конверт.

– Вот, пожалуйста, мистер Уайт! – как всегда, воскликнул Том-Почтовый Клерк. – Ваш очередной скандал!

ЗА последние пятнадцать месяцев, в течение которых Альберт каждый понедельник приходил в отдел «до востребования», он и Том-Почтовый Клерк неплохо узнали друг друга. Чтобы не допустить у Тома-Почтового Клерка ненужных подозрений, Альберт почти с самого начала объяснил ему, что работает на известного репортера Боба Харрингтона, прославившегося своими разоблачительными статьями, и выполняет его поручения, проверяя слухи, намеки и различные сведения доверительного характера, сообщаемые Бобу Харрингтону читателями.

– Этой работой я занимаюсь в свободное от службы у мистера Клемента время. Это большой секрет. Именно поэтому Боб посылает мне материалы до востребования. И поэтому же мы делаем вид, что незнакомы друг с другом.

Том-Почтовый Клерк понимающе улыбнулся, подмигнул и воскликнул:

– Том молчит, как рыба!

Но через некоторое время он, видимо, пораскинул мозгами, потому что как-то раз в понедельник спросил у Альберта:

– А почему вы так долго не забираете у нас эти бумаги? Каждый раз они пролеживают у нас почти неделю.

– Я должен забирать бумаги только по понедельникам,

независимо от того, когда Боб их высылает. Если я буду приходить сюда каждый день, это вызовет подозрения.

– Да, пожалуй, – согласился Том-Почтовый Клерк и с умным видом кивнул. Но потом добавил: – Однако вы не должны опаздывать. Видите, вот здесь в углу написано: «Через пять дней после получения вернуть по адресу...». Очень ясные инструкции. Если вы за пять дней после получения не заберете конверт, то...

– Вы действительно отправите его обратно?

– Мы обязаны это сделать, – ответил Том-Почтовый Клерк. – Таковы правила, мистер Уайт.

– Я рад, – сказал Альберт. – Я знаю, Бобу не хотелось бы, чтобы подобная информация залеживалась тут слишком долго. Если я когда-нибудь пропущу пять дней, непременно отправляй конверт обратно. Мы с Бобом будем тебе очень благодарны.

– Будет исполнено, – сказал Том-Почтовый Клерк.

– И ты никогда не выдашь такое письмо кому-нибудь, кто скажет, что он от меня?

– Ни в коем случае! Вам или никому!

– Даже если вам на почту кто-нибудь позвонит и скажет, что он – это я, и что он посылает друга забрать это письмо?

Том-Почтовый Клерк подмигнул и сказал:

– Не беспокойтесь, мистер Уайт. Я знаю, что вы имеете в виду. Почтовое ведомство Соединенных Штатов вас не подведет! Я могу гарантировать, что никто, кроме вас или мистера Харрингтона, это письмо не получит.

– Рад слышать, – сказал Альберт совершенно искренне.

Месяцы проходили своей чередой, Том-Почтовый Клерк не задавал больше вопросов, и жизнь текла спокойно. Конечно, теперь Альберту приходилось читать колонку Боба Харрингтона в «Геральд-Стейтсмен», поскольку время от времени Том-Почтовый Клерк упоминал какой-нибудь из невероятных скандалов, которые без устали выкапывал Боб Харрингтон, и спрашивал, не имеет ли Альберт отношения к данному конкретному разоблачению. В большинстве случаев Альберт отвечал отрицательно, поясняя, что в основном факты, которые ему поручалось расследовать, не подтверждались. Когда же он признавался все-таки, что, мол, да, к такой-то порушенной репутации или к такому-то разоблачению он, тайно работая на Боба Харрингтона, имел отношение, Том-Почтовый Клерк начинал сиять, словно победитель телевикторины. Совершенно очевидно было, что Том-Почтовый Клерк – прирожденный конспиратор, но до недавнего времени он никак не мог найти приложения своему таланту.

На этот раз, однако, ни о чем тайном он не заговорил. Лишь пристально посмотрел на Альберта и спросил:

– Вы простыли, мистер Уайт?

– Всего лишь насморк, – ответил Альберт.

– У вас глаза слезятся.

– Ерунда, – сказал Альберт. – Просто насморк.

– Сейчас самая насморочная погода, – заметил Том-Почтовый Клерк.

АЛЬБЕРТ согласился и прямо с почты отправился в кафе «Сити-Холл», где сказал Салли-Официантке:

– Сегодня, я думаю, ростбиф.

Элизабет, жена Альберта, с удовольствием приготовила бы ему ленч, и Альберт с удовольствием никуда бы не ходил на перерыв, но мистер Клемент считая, что клеркам в его адвокатской конторе – даже сорокалетним клеркам в очках со стеклами в тонкой металлической оправе, лысеющим и начинающим полнеть, – не следует сидеть перерыв за своими столами и жевать бутерброды из бумажных пакетов. Поэтому Альберт и отпраплялся каждый раз после полудня в кафе «Сити-Холл», где подавали вполне приличные блюда, хотя и не такие уж исключительные, как уверяло меню.

Пока Салли-Официантка оформляла заказ, Альберт прошел в туалет, чтобы вымыть руки и продолжить привычные действия Почтового Дня. Из правого кармана пиджака он достал конверт, врученный ему Томом-Почтовым Клерком, аккуратно вскрыл и извлек оттуда пухлую стопку документов. Переложил документы в заготовленный новый конверт, запечатал его и сунул во внутренний карман пиджака, затем разорвал старый конверт на мелкие кусочки, бросил в унитаз и спустил воду. Вымыл руки, прошел к своему обычному столику и принялся за вполне сносный второй завтрак, состоявший из зеленого горошка, ростбифа, черного хлеба, кофе и булочки.

Оригиналы этих самых документов он впервые увидел около шести лет назад, когда однажды мистер Клемент задержался на судебном заседании, а Альберту срочно потребовалось ознакомиться с определенными фактами, указанными в одной из деловых бумаг. Без всяких низменных мотивов он забрался в стол мистера Клемента и заметил,

что один из ящиков короче других. Альберт вытащил его совсем и за ним обнаружил зеленую металлическую коробку. Поддавшись искушению, он из любопытства заглянул внутрь и из бумаг, содержащихся в коробке, узнал, что мистер Клемент очень-очень богат, а богатство это добыто в высшей степени нечестными методами.

Мистер Клемент, сухощавый седой старик, несмотря на возраст, все еще вселял трепет в тех, кто встречал его впервые. И не только трепет: он носил с собой трость с серебряным набалдашником и нередко пользовался ей, чтобы проучить тех, кто вел себя по отношению к нему невежливо или грубо – на улице, в автобусе, в магазине и вообще везде, где ему приходилось бывать. Его адвокатская контора занималась в основном недвижимостью и делами небольших местных корпораций. Документы в зеленой коробке доказывали, что мистер Клемент безбожно обкрадывал своих клиентов и, «засолив» почти все деньги на банковских счетах под фальшивыми именами, накопил уже несколько миллионов.

Когда Альберт обнаружил эти документы, мысли его смешались. Во-первых, бесчестное поведение мистера Клемента его ошеломило и разочаровало: хотя из-за своей раздражительности старик никогда ему по-настоящему не нравился, Альберт, по крайней мере, уважал его, а теперь он вдруг узнал, что проявлял уважение и восхищение совсем не по адресу. Во-вторых, он ужасно испугался, подумав о том, что сделает мистер Клемент, если узнает об открытии Альберта: документы ясно свидетельствовали, что их хозяин – человек беспощадный, который не остановится ни перед чем, если ему будет грозить разоблачение. И,

в-третьих, удивив самого себя, Альберт подумал о шантаже.

В эти первые мгновения сквозь kaleidoscope мыслей он вдруг осознал, что страстно желает всех тех благ, о существовании которых раньше едва задумывался. Акапулько. Красивые женщины. Белые смокинги. Спортивные машины. Коктейли. Квартиры на крышах небоскребов. Разве мистер Клемент не согласится заплатить за все это в обмен на молчание Альберта?

Конечно, согласится. Но ведь существуют и другие способы заставить его замолчать. При этом повороте мыслей Альберта пробрала дрожь.

Но все же ему хотелось всех тех благ. Легкая шикарная жизнь. Путешествия. Приключения. Обильное греховодничество. И все такое...

СЛЕДУЮЩИЕ несколько месяцев Альберт занимался тем, что частями изымал документы из зеленой коробки и снимал с них ксерокопии. Он продолжал до тех пор, пока не решил, что у него достаточно улики, чтобы упрятать мистера Клемента за решетку до конца двадцать первого века. Все копии документов Альберт спрятал в гараже позади маленького домика, где он жил со своей женой Элизабет, и четыре года не предпринимал вообще ничего.

Ему нужен был план. Как сделать так, чтобы документы попали к властям, если с ним что-нибудь случится, и в то же время убедить мистера Клемента в том, что у него эти документы есть, и они попадут в руки властей, если... Но важно еще, чтобы и сам мистер Клемент не мог их за-

получить. Высокие требования. За четыре года Альберт так и не сумел разработать план, удовлетворяющий им всем.

Но тут ему попался на глаза рассказ некоего Ричарда Хардвика, где описывался именно тот метод, которым Альберт в конце концов воспользовался: метод отправки документов самому себе до востребования с обратным адресом какого-нибудь дотошного репортера. Он тут же воспользовался этой схемой, выбрав из пачки документов наиболее убедительные, отправил их циркулировать через почту и убедился, что все работает именно так, как описывал Хардвик.

Теперь ему оставалось лишь подойти к мистеру Клементу, обрисовать ему ситуацию, упомянув о принятых им мерах предосторожности, договориться о приемлемых условиях и приготовиться наслаждаться жизнью.

М-да.

В тот же день, когда Альберт опустил письмо в почтовый ящик в первый раз, он направился в пещеру людоеда, то есть в кабинет мистера Клемента. Прежде чем войти, Альберт постучал в дверь, как его приучили много-много лет назад, когда он только получил эту работу, затем вошел и произнес:

– Мистер Клемент?

Тот поднял от бумаг костлявое лицо, бросил на Альберта холодный взгляд и сказал:

– Да, Альберт. В чем дело?

– Эти договоры об аренде Дакворта... Они нужны вам к полудню? – произнес Альберт.

– Разумеется, к полудню. Я еще вчера сказал тебе, что они будут нужны мне к полудню.

– Хорошо, сэр, – сказал Альберт и вышел.

Вернувшись за свой стол, он сел и в замешательстве заморгал, глядя в стену перед собой. В кабинете мистера Клемента он открыл рот, совершенно искренне намереваясь сказать: «Я все знаю, мистер Клемент!». Но в охватившем его странном оцепенении вдруг услышал свои собственные слова: «Эти договоры об аренде Дакворта...» Мало того, что он собирался сказать совсем другое, он и так знал, что документы будут нужны мистеру Клементу к полудню. Не только неправильный вопрос, но и совершенно лишний.

– Я его испугался, вот и все, – сказал Альберт самому себе. – А никаких причин бояться на самом деле нет. У меня достаточно доказательств, и он не посмеет меня тронуть.

В тот же день, немного позднее, Альберт предпринял новую попытку. Как раз когда он принес мистеру Клементу договоры об аренде Дакворта. Он положил бумаги на стол, постоял несколько секунд рядом, затем неуверенно кашлянул и сказал:

– Мистер Клемент?

– Ну, что еще? – Мистер Клемент бросил на него сердитый взгляд.

– Я неважно себя чувствую, мистер Клемент, и хотел бы, если вы не возражаете, уйти после обеда домой.

– Ты отпечатал бумаги Уилкоксов?

– Нет еще, сэр.

– Отпечатай, и можешь идти.

– Хорошо, сэр. Спасибо.

ОПЕЧАЛИВШИЙСЯ Альберт вышел из кабинета мистера Клемента, ясно осознавая, что опять провалил задуманное и что сегодня уже нет смысла пробовать еще раз: у него снова ничего не получится. Поэтому он отпечатал бумаги Уилкоксов, привел стол в порядок и вернулся домой на час раньше, сказав Элизабет, будто чувствовал себя на работе нехорошо, что полностью соответствовало истине.

В течение, последующих пятнадцати месяцев Альберт довольно часто делал попытки проинформировать мистера Клемента, что шантажирует его, но так или иначе, открывая рот, он всегда говорил что-то другое. По ночам он иногда тренировался перед зеркалом, обрисовывая ситуацию и излагая свои требования восхитительно, ясно и кратко. В других случаях он записывал речь на бумагу, заставляя себя выучить ее наизусть, но подобные заготовки всегда оказывались многословными и тяжеловесными.

Про себя он достаточно хорошо представлял, что собирается сказать. Он расскажет мистеру Клементу о своем открытии и о почтовой схеме. Поведаст ему о своей страсти к путешествиям и объяснит, что намерен отправлять документы каждую неделю в новое место: Канны, Палм-Бич, водопад Виктория. Затем добавит, что получать свой конверт, успевая в пятидневный срок, он сможет только если будет располагать значительными и регулярно поступающими суммами.

Скажет также, что, считая Элизабет слишком большой домоседкой, чтобы она могла в полной мере наслаждаться той жизнью, которую он собирается отныне вести, он тем не менее испытывает к ней определенные теплые чувства

и предпочел бы думать, что в его отсутствие мистер Клемент достойным образом позаботится о ее материальном благополучии.

Он скажет все это. Когда-нибудь. Надежда, он полагал, еще не потеряна. Когда-нибудь придет день, когда он наберется храбрости или когда его стремление к красивой жизни станет достаточно сильным, и он сделает это. Но пока такой день еще не наступил.

Тем временем отправка и получение писем стали привычной частью еженедельного распорядка жизни Альберта. Эта деятельность вплелась в его размеренную жизнь, словно в ней не было ничего необычного. Каждый понедельник по дороге на ленч он заходил на почту и забирал письмо в отделе корреспонденции «до востребования». Каждый понедельник он перекладывал документы в новый конверт в туалете кафе «Сити-Холл» и выбрасывал старые в унитаз. Каждый понедельник по дороге из кафе он опускал письмо в почтовый ящик. (Письмо должно попасть к Тому-Почтовому Клерку во вторник. Среда будет день номер один, четверг – номер два, пятница – номер три, суббота – четыре, воскресенье – без номера, понедельник – номер пять. Конец цикла и начало следующего).

Этот понедельник ничем не отличался от любого другого, за исключением того, что сегодня у Альберта начался насморк. Салли-Официантка заметила это и, подавая ростбиф, сказала:

– Похоже, вы заболели, мистер Уайт.

– Всего лишь насморк, – сказал Альберт.

– Наверно, пройдет через сутки. Этим сейчас все болеют.

Альберт согласился с ее диагнозом, проглотил свой ланч, расплатился, оставив свои обычные двадцать пять центов на чай, и направился обратно к конторе, сделав по пути две остановки. Первую – около уличного почтового ящика, куда он опустил конверт с инкриминирующими документами, отправив их в очередное путешествие по почтовой службе. Вторую – в магазине, где он купил пакет бумажных носовых платков.

Конечно, Альберт предпочел бы думать, что Салли-Официантка была права, когда сказала, что его насморк пройдет через сутки, но сильно в этом сомневался. Из опыта прошлых лет он знал, что насморк у него длится около трех дней; мокрый нос и слезящиеся глаза ему обеспечены, по-видимому, до четверга, когда болезнь уже начнет проходить.

Однако случилось все по-другому. Прошел понедельник, и кроме очередной отправки письма, в тот день ничего не произошло. Последовали вторник и среда, наступил четверг, насморочный и хмурый как по погоде, так и по состоянию Альберта. На работу он отправился в плаще, в калошах и с зонтом, весь день шмыгал носом и истратил целую коробку носовых платков.

Но в пятницу ему стало еще хуже. Элизабет, выглядевшая наиболее естественно в фартуке и с яблочным пирогом в руках, бросила на него утром всего один взгляд и сказала:

– Даже и не думай вставать. Я позвоню мистеру Клементу и скажу, что сегодня ты болен и не сможешь выйти на работу.

АЛЬБЕРТ действительно заболел. Ему было так плохо, что он не только не мог идти на работу, а и сил, чтобы протестовать против постельного режима, у него не осталось. Ему было так плохо, что он напрочь забыл даже о письме, отсчитывающем дни в отделе корреспонденции «до востребования».

В выходные дни он чувствовал себя так же плохо и оставался столь же забывчивым. Почти все это время он провел в состоянии беспокойного полусна, поднимаясь с постели только для того, чтобы выпить куриного бульона или чая с тортом, после чего тут же падал на подушку и опять засыпал.

Около одиннадцати вечера в воскресенье Альберт вдруг проснулся, ясно увидев перед собой тот самый конверт, словно он только что ему приснился; чистый, аккуратный, пухлый конверт, одиноко сидящий в своей ячейке на почте, и чья то рука, протягивающаяся к нему, рука Боба Харрингтона, Репортера, прославившегося скандальными разоблачениями...

– Боже правый! – воскликнул Альберт.

Элизабет на время его болезни перебралась спать в другую комнату и поэтому ничего не слышала.

– К завтрашнему дню я обязательно должен выздороветь, – произнес Альберт вслух, опустил голову на подушку, но заснул не сразу и долго обдумывал свое положение. Однако на утро лучше ему не стало. Его разбудил шум дождя, бьющего в окно спальни. Альберт сел в постели, и мгновенно понял, что он по-прежнему болен и слаб, почувствовал, как подбирается к нему, словно огонь, паника. Он сражался с ней как мог, потому что должен был любой

ценой сохранить спокойствие.

Когда Элизабет вошла узнать, что он хочет на завтрак, Альберт сказал:

– Мне надо позвонить.

– Кому ты хочешь, чтобы я позвонила, дорогой?

– Никому, – ответил Альберт твердо. – Я же сказал *мне* надо позвонить.

– Дорогой, но я с удовольствием...

Альберт редко раздражался, но, когда на него находило, он становился невыносимым,.

– Что доставит тебе удовольствие, не интересует меня ни в малейшей степени, – произнес он, но язвительный' его тон несколько портил насморочный прононс. – Мне надо позвонить, и я прошу тебя лишь помочь добраться до гостиной.

Элизабет запротестовала, пытаясь по-хорошему уговорить Альберта, но, убедившись в конце концов, что спорить с ним бесполезно, согласилась. Слабый, как котенок, он почти висел на ней, пока они спускались по лестнице со второго этажа и добирались до гостиной. Там Альберт без сил упал в кресло у телефона и несколько минут просто сидел, переводя дух. Элизабет тем временем отправилась на кухню готовить, как она выразилась, «чудесное яичко».

– Чудесное яичко... – пробормотал Альберт. Чувствовал он себя отвратительно: его переполняло злостью и ожесточением. Ни разу в жизни он не был так слаб, но еще никогда у него не возникало столь неукротимого желания крушить мебель, кричать, громить все вокруг и бить людей. Никогда еще он не чувствовал в себе такой злости.

И такой слабости. Он едва смог поднять трубку, и листать страницы телефонного справочника стало для него просто тяжелейшим испытанием. Затем выяснилось, что он искал телефон почты совсем не в том месте: на букву «П» телефона почты не оказалось. В конце концов Альберт обнаружил его в одном из разделов под общим заголовком «Правительственные службы», набрал номер и обратился к человеку, снявшему трубку.

– Будьте добры, Тома, пожалуйста.

– Тома которого?

– Откуда я знаю? Тома!

– Мистер, у нас тут сразу три Тома. Вам нужен Том Скилзовски или..?

– Том! – закричал Альберт. – Который в отделе «до востребования».

– А-а-а, тогда вам нужен Том Кеннебанк. Подождите минутку.

Альберт ждал целых *три* минуты. Время от времени он говорил в трубку «Алло?», но там никто не отвечал. Он подумал о том, чтобы нажать рычаг и набрать номер снова, но в трубке слышались далекие голоса, а это означало, что там, на почте, трубка лежит рядом с телефоном. Если бы он нажал рычаг и позвонил еще раз, скорее всего номер оказался бы занятым.

В конце концов его долготерпение не осталось без вознаграждения, и в трубке раздался голос Тома-Почтового Клерка:

– Алло? Кто меня спрашивает?

– Привет, Том, – сказал Альберт натужно-радостным голосом, – Это я, мистер Уайт. Альберт Уайт. Ты меня помнишь?

– О, конечно, мистер Уайт. Как ваши дела?
– Дела неважные. Я потому и звоню. По правде сказать, я заболел и провалялся в постели все выходные, а...

– Да уж, ничего хорошего тут нет, мистер Уайт. Это, наверно, то самое, что вы подхватили на прошлой неделе.

– Да, то самое. Я хотел...

– Я так и подумал, когда вас в тот раз увидел. Вы помните, я еще сказал, что у вас глаза слезятся?

– Да, ты оказался прав, Том, – сказал Альберт, с трудом сдерживая нетерпение, и тут же продолжил, пока Том-Почтовый Клерк не успел вставить еще что-нибудь по медицине. – Но я звоню тебе по поводу письма, которое должно прийти на мое имя.

– Сейчас посмотрю, – сказал Том-Почтовый Клерк. – Подождите.

Прежде чем Альберт успел его остановить, Том-Почтовый Клерк швырнул трубку на стол и куда-то ушел. Пока Альберт сидел и ждал в бессильной ярости возвращения Тома-Радостного Придурка, появилась Элизабет с чашкой горячего чая.

– Выпей, дорогой. Это тебя подкрепит.

Она поставила чашку на стол и встала рядом, сложив руки на животе поверх фартука. Потом неуверенно произнесла:

– Это, должно быть, что-то очень важное...

АЛЬБЕРТУ пришло в голову, что рано или поздно ему придется объяснить свои действия Элизабет. Каким будет это объяснение, он не представлял, надеясь лишь на то, что оно все-таки будет, когда

ему придется объяснять. А сейчас, решил Альберт, вполне сойдет просто чуть более терпимое отношение с его стороны. Он скривил губы в некоем подобии улыбки, поднял глаза и сказал:

– Ты же знаешь, дела. Я обязан сделать это сегодня. Как там яйцо?

– Через минуту будет готово, – ответила Элизабет и ушла на кухню.

Минуту спустя вернулся Том-Почтовый Клерк.

– Да, мистер Уайт, письмо пришло. Вы сами знаете от кого.

– Том, – сказал Альберт, – слушай меня внимательно. Я сегодня болен, но завтра, думаю, мне будет лучше. Придержи для меня это письмо. Не отсылай его Бобу Харрингтону.

– Секундочку, мистер Уайт.

– Том!..

Но Том-Почтовый Клерк снова исчез.

Вошла Элизабет и жестами показала, что яйцо готово. Альберт кивнул, снова изобразил на лице улыбку и помахал рукой, чтобы Элизабет уходила. В трубке снова слышался голос Тома-Почтового Клерка.

– Знаете, мистер Уайт, письмо пришло в прошлый вторник.

Элизабет все еще стояла в комнате.

– Я выздоровлю через день или два, – сказал Альберт в трубку и снова замахал рукой, прогоняя Элизабет.

– Вам лучше позвонить мистеру Харрингтону, – сказал Том-Почтовый Клерк. – Скажите ему, чтобы он еще раз выслал вам письмо, как только его получит.

– Том, придержи его для меня!

– Я не могу, мистер Уайт. Помните, мы с вами как-то раз об этом говорили? Вы сами сказали, что мы должны обязательно выслать письмо обратно, если вы не заберете его через пять дней.

– Но я болен! – закричал Альберт.

Элизабет упорно не покидала гостиную, сохраняя на лице выражение крайней озабоченности состоянием Альберта, хотя на самом деле ей просто до смерти хотелось понять, о чем он говорит по телефону.

– Мистер Уайт, если вы больны, вам тем более не следует заниматься сейчас работой для мистера Харрингтона, – произнес Том-Почтовый Клерк раздражающе спокойным и уверенным тоном.

– Том, ты же меня знаешь! Ты ведь узнаешь мой голос?

– Конечно, мистер Уайт.

– Письмо ведь адресовано мне, так?

– Мистер Уайт, Почтовый Устав гласит...

– Черт бы побрал твой Почтовый Устав!

Это восклицание просто шокировало Элизабет. Тома Почтового Клерка, судя по его молчанию, тоже. Альберт и сам почувствовал, что говорит что-то не то.

– Извини, Том, я погорячился, Я и расстроен, и болен, и...

– Ну, это же не конец света, мистер Уайт, – сказал Том-Почтовый Клерк уже явно сочувственно. – Ведь мистер Харрингтон не перестанет давать вам работу только из-за того, что вы один раз заболели.

Элизабет все еще стояла напротив Альберта, и у него возникла новая идея.

– Послушай, Том. Я пошлю за письмом жену.

Для этого пришлось бы рассказать Элизабет правду или, по крайней мере, сокращенную версию правды, но ничего другого ему уже не оставалось.

– Чтобы ты не сомневался, что она действительно от меня, я дам ей свое водительское удостоверение или записку к тебе, или...

– Это невозможно, мистер Уайт. Разве вы забыли, как сами говорили мне, что я не должен вручать эти письма никому, кроме вас лично, даже если вы сюда позвоните?

Альберт не забыл. Черт бы побрал этого Тома! Ведь сейчас совсем другая ситуация...

– Том, пожалуйста. Ведь ты все понимаешь.

– Мистер Уайт, вы заставили меня в тот раз дать слово...

– А, чтоб тебя!.. – закричал Альберт, в конце концов поняв, что ничего не добьется, и швырнул трубку на рычаг,

– Альберт, что происходит? За всю жизнь я ни разу не видела тебя таким.

– Не трогай меня сейчас, – мрачно произнес Альберт. – Просто оставь в покое.

Покопавшись в телефонном справочнике, он нашел номер редакции «Геральд-Стейтсмен», набрал и попросил позвать Боба Харрингтона,

– Минутку, пожалуйста, – ответила секретарша.

Чтобы осознать, как пройдет их разговор, Альберту потребовалось даже меньше минуты. Он скажет этому Репортеру-Правдоискателю, что почта в ближайшее время

вернет ему письмо, которое тот никогда не отправлял, а потом попросит не вскрывать его. Попросит этого Репортера-Правдоискателя... Попросит Боба Харрингтона не вскрывать письмо, которое придет к нему в высшей степени необычным и таинственным образом.. Все равно что бросить в клетку льву кусок сырого мяса и попросить льва не трогать его. Минута еще не закончилась, когда он повесил трубку и печально затряс головой.

– Я не знаю, что делать, – пробормотал он. – Совсем не знаю, что делать.

– Может быть, позвонить доктору Френсису? – предложила Элизабет.

В ПЯТНИЦУ Альберт уже звонил доктору Френсису. Тот поставил диагноз по телефону, назначил лекарства и сам позвонил в аптеку, чтобы их доставили Уайтам на дом. Люди говорили (и в этом была определенная доля правды), что доктор Френсис не пойдет к больному домой, даже если этим больным будет его жена, но Альберт, захваченный новой идеей, закричал;

– Да! Звони ему! Скажи, чтобы немедленно приехал сюда. Скажи, что у меня крайне опасное состояние! А я пока, – добавил он уже спокойнее, – съем яйцо...

Доктор Френсис прибыл около двух после полудня, скинул плащ, с которого ручьями стекала вода (этой весной такой сильной грозы не было еще ни разу), и недвольным тоном произнес:

– Ну, где тут у вас «крайне опасное состояние»?

Альберт, оставшись на первом этаже, лежал под грудой одеял на диване в гостиной. Услышав вопрос, он приподнялся на локте и закричал:

– Это я, доктор! Сюда!

– А-а а, это вы с вашими вирусами, – сказал доктор Френсис, входя в гостиную.

– Доктор, – торопливо заговорил Альберт. – Мне совершенно необходимо попасть сегодня на почту. Это дело жизни и смерти, Я хочу, чтобы вы дали мне какое-нибудь лекарство или сделали укол, или еще что-нибудь на ваше усмотрение. Что-нибудь такое, что позволит мне добраться до почты,

– Что случилось? – нахмурился доктор Френсис,

– *Я должен* туда попасть.

– Вы, по-моему, насмотрелись по телевизору шпионских фильмов, – сказал доктор Френсис. – Таких лекарств, о которых вы говорите, не существует. Раз уж вы больны, то значит, вы больны. Принимайте те лекарства, которые я вам выписал, лежите в постели, и к концу недели вы, может быть, встанете на ноги.

– Но мне нужно быть там сегодня!

– Пошлите жену.

– А-а-а-ап-чхи!!!

Лишь отчаянье и злость дали Альберту силы. Разметав одеяла, он вскочил с дивана, шатаясь, выбрался в коридор, достал из шкафа пальто, натянул его прямо поверх пижамы, нахлобучил на голову шляпу и как был в толстых шерстяных носках направился к двери. Элизабет и доктор Френсис кричали ему что-то, но он ничего не слышал.

Пройдя всего два шага по улице, Альберт поскользнулся на мокрой мостовой, размахивая руками и ногами, грохнулся наземь и сломал ключицу.

Элизабет и доктор Френсис отнесли его в постель, где

он и остался лежать после того, как доктор Френсис затянул сломанную ключицу бинтами. Он лежал молчаливый, страшно недовольный и злой на весь мир.

В среду он все еще лежал. Зазвонил телефон. Вскоре в дверях показалась Элизабет с очень странным выражением лица и сказала:

– Это мистер Клемент, дорогой.

Альберт обреченно снял трубку с аппарата, стоявшего у постели, и приложил ее к уху.

– Алло?

В трубку, сотрясая барабанные перепонки Альберта, заскрежетал голос мистера Клемента:

– Мой самолет отбывает через несколько минут, ты, любопытный гаденыш, но я все же хотел позвонить. Я хотел сказать, что между нами не все кончено. Я еще вернусь. Обязательно вернусь,

Щелчок. Альберт повесил трубку.

– Что такое, дорогой? – Элизабет все еще стояла в дверях,

Альберт открыл было рот, но что он мог ей объяснить? И как? Слишком уж все было сложно и неприятно.

– Что-нибудь случилось, дорогой?

– Да, – ответил он и, не справившись с раздражением, добавил: – Оставь меня в покое. Я потерял работу!

Незаметный Яд ДЖУЛИАН САЙМОНС

В АМ попытаются внушить, что я ипохондрик, то есть болезненно внимателен к своему здоровью, – начал Джаспер Бентон. – Конечно, у меня есть причуды. Но я хочу вам сказать: меня постепенно отравляют, и это факт, а не игра воображения.

– Вид у вас действительно не блестящий, – согласился частный детектив Френсис Кварл.

Бентон выглядел весьма пожилым, лицо его было покрыто пятнами подозрительной окраски.

– Я нехорошо себя чувствую, – голос Бентона звучал жалобно, как у настоящего ипохондрика. – Этой ночью мне было плохо, и сегодня утром тоже.

– Показывались ли вы врачу? – поинтересовался детектив.

– Да. Он сказал, что я неправильно питаюсь и рекомендовал диету. Но он просто шарлатан, все они шарлатаны. Я соблюдал диету, но все-таки чувствовал себя плохо. Нет, нет, меня постепенно отравляют. – Бентон наклонился к Кварлу, и его лицо приблизилось к лицу сыщика. – Я знаю, кто это, но понятия не имею, как он это делает, – почти шепотом добавил старый джентльмен, – Если вы не выясните, как он это делает, то не знаю уж... – продолжал Бентон. – Предположим, вы чувствуете себя сносно. Кто-

то приезжает на неделю в гости – и вы заболеваете, уезжает – вам опять лучше. Предположим, это происходит два или даже три раза подряд. Неужели это ничего не означает?

– Несомненно, что-то означает, – кивнул сыщик.

– Я никогда не чувствую себя вполне хорошо, – жалобно проговорил Бентон. – Но эти приступы, особенно плохого самочувствия, случаются только тогда, когда в доме присутствует некое лицо. К такому выводу я пришел после долгих размышлений. Мой племянник Роджер является директором одной технической фирмы в Бирмингеме; каждый месяц он примерно неделю проводит в Лондоне. И когда Роджер здесь, мне всегда нездоровится.

– Так вам всего лишь нездоровится?

– Иногда мне бывает очень плохо; иногда только неприятное чувство во рту, словно тошнит. – Бентон промолчал. – Дело в том, что Роджер – мой ближайший родственник, и большая часть моего имущества завещана именно ему. Но я могу изменить завещание. Я могу вообще исключить его. Вы должны выяснить, как этот дьявол меня отравляет, и я исключу его из завещания.

– А кто ещё упомянут в завещании?

– Каждый из моих слуг получит по двести фунтов единовременно. Моя воспитанница Дора, которая заботится обо мне и ведет хозяйство, получит двести пятьдесят в год. Такую же сумму получит мой кузен Джемс. Он тоже живет здесь. Правда, он шалопай и бездельник, но я не могу допустить, чтобы он голодал. Остальное предназначено Роджеру.

Кварл спустился вниз, чтобы поговорить с воспитан-

ницей Бентона, Дорой Фрилинг. Она была дочерью старого друга Бентона, погибшего вместе с женой при авиакатастрофе. Дора оказалась маленькой, тихой, но очень энергичной женщиной. И всю историю с отравлением не признавала.

– У него больной желудок, – сказала Дора. – Но он всегда требует острую пищу. То же самое говорит и доктор Россли. Вот и вся история.

Кварл попытался напомнить ей слова Бентона о том, что он соблюдает диету.

– Да, соблюдает, – усмехнулась Дора. – А рассказывали он вам, что однажды я обнаружила в его спальне большой паштет и целую миску гусиной печени? Впрочем, вы ведь останетесь и на ночь? Так увидите, сколько он умрет за ужином, и сделаете свои выводы. Но раньше побеседуйте с доктором Россли.

Доктор Россли был молод и резок в суждениях.

– Чрезмерное употребление весьма острых блюд и природная слабость пищеварительного аппарата – вот и все.

– Значит, вы не считаете, что это связано с отравлением? – попросил уточнить детектив.

Врач казался вполне убежденным. Но теперь он решил высказаться осторожнее:

– Я могу лишь сказать, что трижды осматривал его в периоды этих «отравлений». Они были несерьезны. Все симптомы говорили об обычном расстройстве пищеварения. Но я должен рассказать вам кое-что: вкусовые ощущения Бентона значительно ослабли после повреждения нёба несколько лет назад. Он с трудом различает вкус различных кушаний, и это одна из причин, по которым он

предпочитает острые блюда. Кроме того, он плохо может передвигать языком пищу во рту, как это делают почти все люди при пережевывании, и почти сразу глотает все, что попадает к нему в рот. Поэтому, возможно, что он проглатывает что-то лишнее. Вот и все, что я могу вам сказать.

ЕДИНСТВЕННЫМ человеком в доме, кто считал подозрения старого джентльмена обоснованными, был его племянник Роджер, красивый темноволосый молодой человек лет тридцати с небольшим.

– Очень удивительно, но дядюшке Джасперу кажется, что приступы плохого самочувствия бывают у него именно тогда, когда я в Лондоне. Это в самом деле удивительно. Иногда я почти верю, что он подозревает меня в связи с этим. – И молодой человек смущенно улыбнулся.

Это было сказано, когда мужчины собрались перед ужином, чтобы немного промочить горло для аппетита. Джемс Бентон, худощавое подобие своего кузена, засмеялся:

– Все это тебе кажется, мой мальчик. Джаспер попросту обжора. Таким он был и в детстве.

Обжорство Джаспера Бентона проявилось во время ужина. Кварл с удивлением наблюдал, как этот человек со слабым желудком проглотил две тарелки густого кремового супа, за которыми последовал почти непрожеванный жареный петушок с картофелем и баклажанами, тушеными в подсолнечном масле. Сыщик ел и пил то же самое. По примеру Бентона он выпил после еды стаканчик зеленого шартреза и по примеру Бентона отказался от сигареты.

В половине одиннадцатого Джаспер Бентон отправился спать.

– Как вы себя чувствуете? – спросил детектив, провожая его до дверей спальни.

– Пока сносно.

– Ночью вы ничего не будете есть или пить, – прервал его Кварл. – Понятно? – Бентон кивнул, соглашаясь. – Скажите, вы часто едите такую пищу и в таких количествах?

– То есть как это – часто? – Бентон, казалось, был удивлен столь нетактично заданным вопросом. – Как часто? Да постоянно! Я, видите ли, чувствую вкус лишь достаточно острой пищи.

– И при этом не испытываете неприятных последствий?

– Нет. Кроме тех дней, или точнее, ночей, когда здесь бывает Роджер.

Кварл удивленно покачал головой:

– В таком случае, вы напрасно пеняете на свой желудок. – Детектив пожелал хозяину спокойной ночи и направился в отведенную ему комнату по соседству.

Утром Кварл застал Бентона еще в постели. Тот был бледен и жалок. На ночном столике громоздилась целая батарея склянок с лекарствами.

– Мне опять было плохо, – пожаловался старый джентльмен, как только детектив запер за собой дверь. – Около трех ночи. Меня отравляют. Это я говорю вам совершенно определенно.

– Но ведь я ел и пил то же, что и вы, – возразил детектив.

– Я не знаю, как он это делает, – продолжал Бентон. – Но я выгоню его из дома. И вычеркну из завещания.

– Принимали вы что-нибудь из этих снадобий? – кивнул Кварл в сторону батареи склянок.

– После ухода вчера вечером из столовой я, как и обещал вам, ничего и в рот не брал, – заверил его Бентон.

Кварл видел, что его подопечный говорит правду.

– В таком случае, я ничего не могут понять... – протянул детектив, но вдруг хлопнул себя по лбу и рассмеялся. – Конечно! Об этом-то я и не подумал! Очевидно, вы принимаете яд незаметно!

– Что вы хотите этим сказать?

– Вы принимаете яд, не подозревая, что вообще принимаете что-либо внутрь. – Кварл прошел в ванную, расположенную слева по коридору.

Там он нашел то, что и ожидал. Затем вернулся к Бентону и довольно долго беседовал с ним.

В тот же вечер, в половине десятого, Роджер Бентон неожиданно объявил, что ему нужно вернуться в Бирмингем. Он быстро собрал вещи, наскоро попрощался со всеми и уехал.

– Завтра я приглашу своего адвоката! – со злостью проговорил Джаспер Бентон, едва только за племянником закрылась дверь. Затем он сразу отправился спать.

ЧАС спустя Френсис Кварл, внимательно наблюдавший через щель в своей двери, заметил в полутьме коридора фигуру, проскользнувшую в ванную. Он тотчас вышел из своей комнаты и резко распахнул дверь ванной. Там он застал Дору Фрилинг. В руках она держала два тюбика зубной пасты.

– Все ясно, мисс Фрилинг, – сказал ей детектив. – Игра окончена. Пройдите, пожалуйста, в комнату мистера Бентона.

Дора, словно загипнотизированная, последовала за Кварлом, продолжая держать в руках тубики с пастой. Джаспер Бентон, сидя в своей постели, окинул ее свирепым взглядом.

– Это и есть лицо, которое отравляет вас, – объявил детектив.

– Не понимаю, что вы имеете в виду, – попыталась возразить молодая женщина, заметно покраснев при этом.

– О, вы прекрасно понимаете, – спокойно сказал Кварл, взял из ее рук оба тубика и указал на разрез в одном из них. – Она подмешала в зубную пасту сильное рвотное и подкладывала вам этот тубик всякий раз, как в доме оказывался ваш племянник, – пояснил он старому джентльмену. – У вас давно уже образовалась привычка глотать все, что окажется во рту; иногда вы вместе с пастой проглатывали достаточно рвотного – и вам становилось плохо; иногда же небольшие дозы рвотного вызывали лишь неприятные ощущения тошноты. А как только племянник уезжал, она снова заменяла опасный тубик обычным. Я понимал, что она сразу же постарается заменить тубик, если мне удастся уговорить Роджера немедленно уехать, а вы объявите, что решили изменить завещание.

– Но я... я не хотела вам ничего плохого... – обратилась Дора к мистеру Бентону и в знак искренности положила правую руку на грудь. – Но ведь... мистеру Роджеру досталось бы так много... а мне так мало... Ведь это несправедливо...

– И вы еще смеете говорить о справедливости, Дора, – укоризненно проговорил старый джентльмен. – Благодарите бога, что я не хочу скандала и не стану требовать для вас наказания. Вы получите чек на пятьсот фунтов, но потрудитесь завтра утром исчезнуть и никогда больше не появляться здесь. – Затем, когда Дора, всхлипывая, вышла, он обратился к сыщику. – И все-таки, я не могу понять, как вы установили, что отравка спрятана в зубной пасте?

– Методом исключения, – ответил Кварл. – Пища, которую вы ели в тот вечер, не была отравлена; вино, которое вы пили, – тоже. Вы не курите. Такие же блюда вы ели и раньше, не ощущая никаких неприятных последствий. Вы сказали, что с того вечера и до утра ничего не брали в рот, причем полагали, что говорите правду. Но что-то брали же вы в рот! В самом деле, ведь в Англии принято чистить зубы перед сном.

СЕРГЕЙ ГИЛЁВ ПАССАЖИР

ИХ знакомство состоялось на третий день полета к Шаромову скоплению. Командир звездолета вошел в командную рубку и замер, уставившись на Лешку, развалившегося в кресле. Он часто-часто замигал и хриплым от галактических ветров голосом пробасил:

– Пассажир?! Кто провел пассажира?!

Кибернетики в мгновение ока выросли рядом и смиренно склонили головы.

– Безобразие! – прогудел командир. – Взять пассажира без моего ведома! Высажу всех троих на ближайшем астероиде! Брысь с глаз моих!

Лешка не был обидчив, но тут рассердился по-настоящему: в конце-то концов, он не особо и напрашивался в этот полет! Глаза его полыхнули огнем, он вскочил и, развернувшись, выбежал из командной. Следом за семенили друзья-кибернетики,

– Не волнуйся, Лешка, все уладится, – сказал успокаивающе один.

– Буря стихнет, все образуется, – добавил другой.

Как они ошибались!..

Первым надвигающуюся опасность почувствовал корабельный кок.

– Вот, – сказал он, входя в столовую и бросая на матовый пластик ближнего столика силиконовый пакет.

– Что это? – в один голос спросили астронавигаторы, разглядывая неожиданный десерт.

– Пакет, – лаконично ответил кок. – В котором лежал ржаной хлеб на ужин. Теперь хлеба нет, но есть дыра, – и он продемонстрировал экипажу аккуратную дырку в силиконе.

– Диверсия, – прошептал кто-то из астронавигаторов.

– Забавно, – протянул командир и пристально посмотрел на великих шутников. Но, судя по оживлению среди навигаторов, они были не при чем. Взгляд командира заскользил дальше. На биологе он остановился, и тот, словно загипнотизированный, поднялся.

– Вероятно, мыши, – сказал биолог, заливаясь пунцовой краской. – У меня из лаборатории исчезла дюжина мышей.

– Давно?

– На третий день полета.

– Что же ты молчал?

– Я, думал... – биолог, зеленый стажер, совершавший свой первый полет, окончательно смутился и смолк.

– В следующий раз обращайся за помощью к кибернетикам, – посоветовали астронавигаторы. – У них раздумьями киберы очень любят заниматься...

– Довольно! – командир оборвал рассыпавшийся по столикам смех. – Что ж, – сохраняя внешнюю невозмутимость, добавил он, – если ты так долго думал, то, наверное, знаешь, как этих мышей изловить? А потому – слушать всем! – назначаю биолога Главным охотником!

И ОХОТА началась. Чего только не изобретали «звероловы»: ловушки-приманки, биоловушки, электромагнитные хвататели, волновые сети... Увы, все было тщетно! И тогда за дело взялись чародеи-кибернетики: выверенная координация и изумительная реакция их подопечных, киберов, обещали привести охотников к успеху...

К исходу второй недели командир объявил общий сбор.

– Подведем итоги, – сказал он. – Главный охотник, вам слово.

Биолог крикнул и, держась за поясницу левой рукой (правая была в гипсе), поднялся.

– В общих чертах, если соотнести...
– Чуть-чуть покороче, – попросил экипаж.
– Хорошо, – вздохнул биолог. – Перечисляю. Поврежден поляризатор третьей секции батарей. С необычной быстротой исчезают продукты питания... Даже из холодильных вакуум-камер. Нависла угроза уничтожения оранжереи наружного кольца. Выведены из строя микрокаляры макроструктур...

Лицо невозмутимого командира вытянулось:

– Как им удалось повредить сверхпрочные микрокаляры?

Биолог покосился на кибернетиков и промолчал.

– Ну, а результаты?

Главный охотник с трудом выпрямился.

– Мы испробовали все способы, – словно извиняясь, сказал он.

– И кажется, проверили их на себе, – не удержался кто-то из шутников.

Биолог вспыхнул, а экипаж зашумел, как штормовое море.

– Дело принимает нешуточный оборот, – качнул головой командир. – Мы обязаны найти выход, иначе...

– Иначе – катастрофа, – прошептал корабельный кок, чье хозяйство основательно пострадало от серых пиратов.

Наступила гнетущая тишина, лишь тихо поскрипывала поясница все еще стоявшего навтыжку биолога.

– Не надо сгущать краски, – сказал командир, кивком усаживая многострадального охотника. – Случай забавный и... опасный, однако кричать «SOS!» на всю галактику мы не будем. А потому – слушать всем! – самого удач-

ливого охотника я на месяц освобожу от вахты! На целый месяц! Вперед – добровольцы!

– Добровольцы не помогут, – задумчиво сказал кок. – Если уж киберы не справились... Впрочем, выход есть – Лешка!

– Пассажир? – переспросил командир.

Экипаж как по команде уставился на Лешку. Но тот играл до конца: зевнул и прикрыл глаза.

– Выручай, Алексей! – попросил командир.

Лешка не реагировал.

– Ну... извини меня, я тогда был не прав. Кок! Надеюсь, у нас сохранился чудесный щучий балычок для почетных пассажиров?

– И балычок, и еще кое-что, – многообещающе заверил тот.

Лешка медленно, словно нехотя, поднял голову и посмотрел на командира. Встал, потянулся и направился в полутемные кладовые отсеки, откуда совершенно явно доносились писк и тихая возня. Уж он-то знал способ борьбы с мышами, древний, как сама Земля...

ЛЕШКА по-хозяйски открыл дверь командной и деловито прошествовал на свое место. Усевшись, скосил глаза на дежурного. Им оказался второй штурман, новичок, с которым, по мнению Лешки, заводить дружбу было еще рано. А потому он прикрыл глаза и развалился в своем кресле. Официально это место принадлежало командиру звездолета. Но тот давно уже уступил его Лешке – по первому требованию. Кресло было мягким и уютным, однако Лешке не сиделось: заканчи-

вался четвертый месяц полета к Магелланову Облаку, и он, от ничегонеделания, начал изнывать от скуки. Конечно, спать и есть, есть и спать, да к тому же еще пользоваться всеобщим уважением экипажа – это было здорово! И Лешку такое положение вполне удовлетворило бы... Раньше, Но после героического поступка, совершенного во время предыдущего полета, он жаждал приключений.

Второй штурман наконец-то оправился от смущения, вызванного присутствием легендарного Лешки, и шепотом позвал:

– Лешка... кис-кис...

Нет! Это было уж слишком! Такой наглости Лешка вынести не мог!.. Фыркнув и подняв трубой хвост, он направился в столовую – успокаиваться у кока за блюдцем сметаны.

Издание подготовлено кооперативом «Свиток»
при Средне-Уральском книжном издательстве
и журнале «Уральский следопыт».

Над четвертым выпуском «ПиФа» работали:
И. Кузовлев, С. Казанцев, С. Гаврилова, Л. Будрина,
М. Пудовкин, О. Нагибина.

Ответственный за выпуск: С. Мешавкин.

ПиФ. Приключения и фантастика: сб. остросюжетных рассказов. Сборник содержит приключенческие, фантастические рассказы и публицистические материалы советских и зарубежных авторов.

Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. — 32 с.
Печать высокая. Усл. печ. л. 4,0. Уч-изд. л. 4,42. Зак. № 1858.
Тираж 85000 экз. Цена 70 коп.

Подписано к печати 14.12.89. НС 30199.
Средне-Уральское книжное издательство и журнал
«Уральский следопыт».
Типография изд-ва «Военный железнодорожник».

Наш адрес: ул. Декабристов, 67.